

ЛЕВ ДАНИЛКИН

ПАССАЖИР С ДЕТЬМИ

ЮРИЙ ГАГАРИН ДО И ПОСЛЕ 27 МАРТА 1968 ГОДА

ОТ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ "БОЛЬШАЯ КНИГА"

Лев Александрович Данилкин
Пассажир с детьми.
Юрий Гагарин до и после
27 марта 1968 года

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67608209

Пассажир с детьми. Юрий Гагарин до и после 27 марта 1968 года:

Молодая гвардия; М.; 2021

ISBN 978-5-235-04643-6

Аннотация

Опросы показывают, что Юрий Гагарин – главный герой отечественной истории XX века. «Юрий Гагарин» Льва Данилкина – попытка «окончательной», если это возможно, закрывающей все лакуны биографии «красного Икара»; хроника жизни – и осмысление, что представляют собой миф о Гагарине и идея «Гагарин». Интервью с очевидцами и ревизия российских и иностранных источников помогли автору ответить на базовые вопросы. Является ли Гагарин всего лишь воплощением советского дизайнера – или он в самом деле был обладателем неких уникальных качеств? Что на самом деле произошло 12 апреля 1961 года? Как первый космонавт справлялся с «гагариноманией» – статусом самого знаменитого человека планеты? Что такое Гагарин: продукт строя и эпохи – или ее

зеркало и оправдание? Существовал ли конфликт между ним и политическим руководством СССР? Какова подлинная причина его гибели? Был ли его успех всего лишь везением, результатом осознанного жизнестроительства – или осуществлением некоего высшего замысла? Что было бы с Гагариным и СССР – не погибни «первый гражданин Вселенной» в марте 1968-го и доживи он до наших дней?

Содержание

Пролог	6
Starring / В главных ролях	23
Глава 1. Клуш	30
Глава 2. Аида	65
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лев Данилкин
Пассажир с детьми.
Юрий Гагарин до и
после 27 марта 1968 года

*Самые великие шедевры революции – это люди,
которых она производит.*

РОМЕН РОЛЛАН

© Данилкин Л. А., 2021

© Бондаренко А. Л., художественное оформление, 2021

© Издательство АО “Молодая гвардия”, 2021

Пролог

Есть известный анекдот¹: перед первым полетом в космос НАСА потратило 18 миллионов долларов на создание письменных принадлежностей, которые будут работать в условиях невесомости.

– А у вас что? – как-то спросили они своих русских противников, которых этот вопрос несколько ошарашил.

– А у нас простые карандаши, – ответили русские [1]².

Запад дал остальному миру много дорого экипированных, сексапильных и воплощающих демократические ценности супергероев – в диапазоне от Нила Армстронга до Люка Скайуокера. Всякий их маленький шаг непременно оказывался гигантским скачком для всего человечества, именно с ними пребывала Сила – и что бы они там себе ни проносили, хоть “их бин айн берлинер”, хоть “обожаю запах напалма по утрам”, никто не сомневался, что подразумевалось всегда одно и то же: “Я король мира!”

Россия имела репутацию Мордора, производила на свет

---

¹ Настолько бородатый, что герой этой книги, сам заядлый анекдотчик, наверняка отрезал бы за него автору – он имел обыкновение так поступать – галстук до самого узда.

² Цифры в скобках отсылают читателя к разделу “Индекс источников” в конце книги.

множество одиозных личностей, а вот со свободно конвертируемыми супергероями дела здесь обстояли далеко не блестяще. Был, в сущности, всего один – вечно рот до ушей, автор куцега афоризма “Поехали!” – незнамо кто, невесть какой, неведомо куда; но, странное дело, именно он, живой и светящийся, оказался более популярным, чем “Битлз”, Мэрилин Монро и Че Гевара. Никакие “рейтинги”, “результаты опросов”, “отзывы клиентов” и “количества проданных экземпляров” не могут передать глубины того “океана человеческого преклонения”, в который Юрий Алексеевич Гагарин погрузился после возвращения из космоса.

Простой карандаш. Та же идея.

Такой же очевидной и незатейливой, как простой карандаш, кажется история жизни “Колумба Вселенной”. Вытянул счастливый билет – слетал – стал героем.

Общераспространенное представление о Гагарине сформировано советской пропагандой – манипуляционной системой, печально известной своими успехами в деле искажения информации. Образ Гагарина был имплантирован в наше сознание в виде огромного бронзового монумента кому-то, кто является идеальным образцом национального характера и воплощением всех мыслимых советских мужских добродетелей. Со временем – и в силу известных исторических событий – памятник малость подрастерял свою былую привлекательность; кое-какие изречения на постаменте кажут-

ся сегодня слишком наивными, кое-какие – чересчур патетическими; кроме того, мы видим, что голова и плечи статуи сильно загажены интернет-голубями: прогуглите словосочетание “Юрий Гагарин”, и вас тотчас же известят, что обладатель этого имени – величайший за всю истории блеф СССР, что на самом деле он не летал в космос – ну или летал, но никоим образом не был первым. Пронзительное “знаете, каким он парнем был” переплавилось в ехидное “был тут один такой товарищ”. Жирную подпитку для самых диких слухов дают не только события 12 апреля 1961 года, но и последовавшая семь лет спустя загадочная – так и не получившая общепризнанного объяснения – смерть Гагарина.

Никакой окончательной версии того, кто или что стало причиной этой авиакатастрофы, нет – нет, соответственно, и общественного консенсуса. Что объединяет нацию – так это горечь из-за осознания упущенного в тот момент шанса – поэтому когда видишь на заборе граффити “Юра, мы всё <прохлопали>, прости нас”, – то и фамилии-то для этого Юры не нужно, всем ясно, о ком – да и о чем тоже – речь. И даже когда надпись выглядит как “Юра, мы все исправим”, есть и такой вариант, в ней нет ни тени озорного ресентимента в духе “можем повторить”. Это точно не угроза; скорее обещание – в обмен на возможность верить. Что в его гибели был какой-то смысл, что он не “разбился” – случайно, как хрустальный фужер, а “уплыл” в неизведанное враждебное пространство; как Клуни в “Гравитации”.

Что касается нашего интуитивного – не зависящего ни от пропаганды, ни от интернет-“разоблачений” – представления о том, что за человек был первый космонавт, то оно, скорее всего, основывается на таком явлении, как “улыбка Гагарина”. Улыбка, знак не то открытости, искренности и дружелюбия, не то гибридной агрессии³, была его визитной карточкой: “солнечный парень” [2] / “космонавт, который не смог перестать улыбаться” [11]. Однако правда ли, что Гагарин и пресловутая “улыбка Гагарина” – одно и то же? По сути, это явление, давно уже существующее и функционирующее отдельно от него, – того же рода, что “улыбка Чеширского кота”, “улыбка Джоконды” или “улыбка Джокера”.

Кто на самом деле был этот наш “простой карандаш”?

Тайный честолюбец, упивавшийся мечтами о первенстве во всем, советский Жюльен Сорель, сконцентрировавшийся на достижении общественного положения – и, за счет колос-

---

³ Если верить толкованию современного исследователя, гэдээровские избиратели воспринимали улыбку человека, явившегося к ним из космоса (речь идет о гагаринско-терешковском “Йури-Валия-Фройндшафт”-туре в ГДР на выборы в 1963-м – агитировать за “наш” “Национальный фронт”), как подобие рентгеновского луча, который проникает в их “политическое мнение” – и делает их тела прозрачными для контроля со стороны “Национального фронта”. Те, кто не выберет “Национальный фронт”, по сути, откажутся от дружбы Юрия – что просто невыносимо, поскольку приведет их к тотальной десоциализации [15]. Фигура Гагарина как “улыбающегося Друга” выглядит в этом контексте крайне злобной. И, если уж на то пошло, фраза Терешковой, которая находилась в Карл-Маркс-Штадте, в адрес Гагарина, который был в Эрфурте, по телемосту – “Товарищ Гагарин, почему не улыбаетесь?” – звучит вовсе не как шутка, а как окрик: “Оружие к бою!”

сальных энергетических затрат, добившийся чаемого?

Или, возможно, руссоистский тип – естественное, не испорченное книжной культурой существо; ладный да складный, фото- и телегеничный, однако посредственно образованный и вообще не семи пядей во лбу пацан, у которого, пожалуй, лучше, чем у прочих, получалось скалить зубы, когда ему показывают глобус без Америки [13], да по-деревенски аплодировать в ответ на аплодисменты; иными словами, “такой себе один из Шариковых этого мира – дворняга”? [3].

Или же правильнее будет отнести Гагарина к типу, описанному Толстым: “каратаевскому”, “олицетворению всего русского, доброго, круглого...” [4]; воспринимать его как “народного философа”, чья жизненная стратегия может быть передана формулой “не нашим умом, а божьим судом”? И раз так, не есть ли жизнь Гагарина просто уникальное приключение одной из составляющих земной глобус капель, приснившихся Пьеру Безухову, – капли, которая не просто вышла на поверхность, чтобы разлиться там пошире и в наибольшем размере отразить Бога, но вдруг, вопреки законам гравитации и божественного круговращения, в стремлении максимально приблизиться к свету, нашла в себе силы выпрыгнуть на полтора часа из этого живого глобуса – и затем, отразив Его в большей мере, чем любое из когда-либо живших на Земле существ, опять вернулась, слилась со всеми и, как все, устремилась, когда пришло время, к центру?

Или же ключ к Гагарину – его военная форма: кшатрий-

ская натура⁴, человек длинной воли – происходящий из самых низов, родившийся в темном углу истории – и сумевший, за счет феноменально сильного, величественного характера, преодолеть судьбу, намотать кишки истории себе на запястье?

Или же он был чрезвычайно, что называется, юркий, предприимчивый тип, продавец от бога, с развитыми гораздо выше среднего коммуникативными способностями, виртуозно пользовавшийся своей обаятельной улыбкой – а когда надо, так и пачкой собственных фотографий, которые носил во внутреннем кармане кителя и подмахивал залихватскими автографами – вроде “И на Марсе будут яблони цвести... Ю. Г.”; тип по сути совершенно не творческий, но относящийся, по классификации Гладуэлла [5], к “объединителям”: разносчик социальных вирусов, спровоцировавший в обществе эпидемию энтузиазма?

Что вообще у него было в голове? Почему, при росте 165, единственный спорт, который он с упорством осваивал на протяжении всей жизни, был баскетбол?

Почему некоторые близкие знакомые описывали его все не как жизнерадостного сангвиника, а скорее меланхолика, чуть ли не Пьеро – ценившего поэзию, тишину и философию?

Как он умудрился убедить начальство усадить в “Восток”

---

⁴ *Кшатрии* – каста воинов в Индии; люди, у которых импульс мужества превышает чувство самосохранения. – *Прим. ред.*

именно себя – если за месяц до 12 апреля у него случился гнойный гайморит, который лечили антибиотиками, с проколами и пункциями? [14].

Что означает странный эпизод с “ташкентским ужасом” – когда в 1963-м, на “слете молодых тружеников”, Гагарин лег спать в темной комнате и проснулся от того, что на него спикировали сотни летучих мышей, которые вцеплялись в его простыню, в волосы, в тело; напуганный, голый, он стал орать, выскочил за дверь – и попытался рассказать друзьям о тьме жутких тварей, атаковавших его. Но комната была плотно заперта, какие еще мыши? “Простой советский парень”, говорите? “Везунчик”? Мистер “Банк-Ошибся-В-Вашу-Пользу”? Не обошелся ли ему полет чуть дороже, чем он сам потом рассказывал, не был ли этот момент экзистенциального ужаса рентгеновским снимком его души, атакованной демонами?

Памятник явно пора отчистить – а заодно показать, что у истукана был оригинал – который, похоже, существенно отличался от монументального образа.

Но с какой стати нам проявлять интерес к его биографии? Какой урок можно извлечь из нее? Какую такую идею за ней увидеть? Не идем ли мы на поводу у большинства, не станем ли жертвами магии больших чисел – раз ему аплодировали миллионы людей, значит, он в самом деле был уникальной личностью?

Или грубее: если некий объект пользуется несомненным рыночным спросом – значит ли это, что он в самом деле обладает некой художественной (в данном случае – *sup specie aeternitatis*⁵) ценностью? Или Гагарин как самостоятельная биографическая единица – то же, что херстовское чучело акулы за 12 миллионов долларов: курьез на вид и мошенничество по сути?

Ну да, он первым побывал там, куда никто не совал нос, и углядел там нечто такое, что никто до него не видывал, – нечто, предположительно, очень важное. Однако очевидно ведь, что “первый” и “лучший” совершенно не одно и то же. Владимир Джанибеков, вручную, без подсказок пристыковавший корабль к мертвой, неуправляемой станции “Салют-7”, был безусловно более искусным пилотом, чем Гагарин. Инженер-конструктор Константин Феоктистов был гораздо более компетентным в том, что касается устройства корабля, его возможностей и ограничений. Валерий Поляков, просидевший в космосе 437 суток безвылазно, был более выносливым, работоспособным и самоотверженным, и вообще такого рода пребывание на орбите в качестве подвига выглядит гораздо более внушительно, чем полуторачасовой пикник. Совершавшие суборбитальные полеты летчики-испытатели, вроде друзей Гагарина – Мосолова, Гарнаева, Ю. Быкова, Гридунова, были более квалифицированными – и, наверное, еще более смелыми, чем Гагарин, авиатора-

---

⁵ С точки зрения вечности (лат.). – Прим. ред.

ми. Да чего уж далеко ходить: все гагаринские рекорды были меньше чем через полгода вчистую побиты его собственным дублером Титовым – который летал дольше, дальше, опаснее; и именно Титов, а не Гагарин, “был первым, кто доказал, что в космосе можно работать” [7] и что у пилотируемой космонавтики больше перспектив, чем у автоматической.

Правда ли, что нам нужно иметь представление о биографии человека, который, формально, всего лишь дал согласие – осознанно оценив риски, зная об ожидающем его вознаграждении, взвесив все “за” и “против”, без какого-либо принуждения, – проверить на себе созданную кем-то еще технологию? Мало ли что на ком испытывали. Почему бы нам не написать биографию человека, на котором тестировали пенициллин, или – еще более уместный пример – жизнеописание пилота Гарольда Грэма, который 20 апреля 1961 года, буквально через неделю после полета Гагарина, успешно испытал на себе ранец с ракетным двигателем: взлетел на высоту примерно 1,2 метра и плавно полетел вперед. Весь полет продолжался 13 секунд – но был чрезвычайно рискованным предприятием и выглядел даже более эффектно, чем полет “Востока-1”: Гарри Поттер, волшебство в чистом виде. В чем разница между Гагариным и Грэмом?

Почему один останется курьезом из Википедии, а другой – неиссякающим источником магнетизма?

Только в эмоциях. Про одного мы всего лишь знаем, в другого – еще и верим.

Не случайно провинциальные музеи, посвященные Гагарину, производят впечатление индуистских святилищ: самодельные, потертые, пестрые, намоленные; тот, кто воплотил в себе триумф технологий, репрезентируется здесь через пожелтевшие вырезки из газет, скульптуры из пластилина, пластиковые цветы и акварельки в барочных рамах.

Выглядит неправдоподобно – но мы все равно верим.

Почему?

Потому что нациям тоже нужна хорошая, успешная кредитная история, и нам так выгоднее – верить, что Гагарин правда сделал: сам, что-то особенное; но в душе мы вроде как знаем, что он был никто, “пассажир”, “живые консервы” – и, если бы к сиденью в “Востоке” пристегнули еще кого-нибудь, мировая история не изменилась бы ни на йоту? Так? Как, то есть, с Дедом Морозом: и родители, и дети делают вид, будто верят в него, и это продолжается год за годом – всем выгодно, все довольны? [16]. Так? В глаза смотреть!

Однако даже и “мы” – которые “все” и которые “все вроде как” – при ближайшем рассмотрении оказываются антагонистами.

Некоторые “мы” отказываются соблюдать неписанный социальный контракт о вере в Гагарина. Фигура первого космонавта для них – род тоталитарного китча, образец плохого советского дизайна – такого плохого, что, пожалуй, уже даже и хорошего. Помимо презрения – “полезный идиот”, сначала позволивший советской власти экспериментировать над

собой, как той вздумается, а затем превратившийся в говорящую куклу, которая по бумажке тараторит клишированную галиматью, – Гагарин вызывает у них и раздражение: не просто сотрудничал, но еще и способствовал оболваниванию людей и, косвенным образом, укреплению кровавого коммунистического режима. Все эти “советские” достижения – в любом случае зло, потому что запускать в космос начиненные электроникой корабли, не обеспечив прежде население детским питанием и обувью, – аморально; зло – да еще и туфта, потому что все равно у американцев выйдет лучше, и вообще – что такое Гагарин со своими жалкими полтора часами орбитального полета против Нила Армстронга, прогулявшегося по Луне.

Ну да: кому нужен простой карандаш, когда есть ручка за 18 миллионов долларов.

Для тех “мы”, кто соблюдает контракт, но делает это “по расчету”, рассуждая не как обыватель, а как носитель “исторического” сознания, Гагарин – фигура, являющаяся моральным оправданием и свидетельством исторической целесообразности советского – да, крайне бесчеловечного в практическом воплощении – утопического проекта. Приписка “Зато мы делаем ракеты” – это ведь не только про бахвальство: именно ВПК – да, раздутый, да, высасывавший дефицитные ресурсы, да, душивший рост потребления – обеспечивал огромному количеству людей рабочие места,

зарплату и социальные блага. Оправданием, а еще подтверждением если не “нормальности”, то естественности “советского проекта” – раз уж тот оказался в состоянии дать здоровое потомство; в том, что Гагарин – с его очевидно “здоровыми” – прямо-таки рифеншталевскими – генами полностью подходит под это определение, никто не сомневается; кушай кашку, будь здоров, как Гагарин и Титов – ну, вы помните.

Наконец, для тех “мы”, для которых самое ценное – романтическая эмоция, Гагарин – ангел, позволивший человечеству пережить прекрасное мгновение – когда все вдруг стали думать не о деньгах и карьере, а о звездах и о космосе как потенциальном рае; воплощение *glamour of space*⁶ – и одновременно синтеза Человека, Машины и Государства; икона, короче говоря, – тем более абсолютная в эпоху, когда космос стал гораздо более недостижимым, чем это казалось в шестидесятые; какие там каникулы на Луне, какие там яблоны на Марсе, какое там Великое Кольцо [6]; хорошо если за весь ХХI век кто-то осуществит то, что планировалось Королевым сделать году к 1975-му⁷.

---

⁶ Магия космоса (англ.). – Прим. ред.

⁷ Химический чистый образец раннего “диссидентского” нарратива находим, например, в дневниках литературоведа Р. Г. Назирова – в частности, в записи за 1963 год. “Космонавт № 1 – негодяй. Юрий Гагарин – пьяница, болтун, хвастун и бабник. Хотя жена бьет его, он всё же не пропускает ни одной хорошенькой девушки. Бровь ему рассекли в пьяной драке из-за женщины. Но всё это ерунда, а главное он – доносчик, подлец с политическим оттенком. Он служил в северной авиации: ночные полеты, выюги, метели, очень часто люди гибнут. Он сказал друзьям, когда в авиации начали набирать космонавтов: «Не всё рав-

Даже простой карандаш, как видите, на поверку может оказаться чрезвычайно сложным предметом.

Очень-очень простой очень-очень сложный карандаш.

Был такой американский экономист и политик Леонард Рид; иногда он обращался к литературному творчеству и однажды сочинил знаменитое эссе, которое называлось “Я, Карандаш” [8]. Написанное от имени карандаша (“Я – графитовый карандаш. Обыкновенный деревянный карандаш, меня знают все мальчики, девочки и взрослые – кто умеет читать и писать”), оно стало классикой потому, что в нем иллюстрируется идея пользы, которую приносит обществу работа “невидимой руки рынка”. Мы, однако, вспомнили его совсем по другому поводу. До того как сделать свои либер-

---

но, где погибать? Там хоть со славой погибнешь!» И подал заявление. С первого же момента он начал пробиваться, делать карьеру. Во что бы то ни стало он решил полететь первым и не стеснялся в средствах. Всех соперников он убрал с дороги посредством доносов. И полетел первым. В среде космонавтов его не любят” [10]. Как формировалась “романтическая” версия истории Гагарина, можно понять по байке, которую рассказал автору австрийский писатель и политический активист Вальтер Фамлер: “В детстве у меня была куча игрушечных жестяных насовских ракет; японский электрический космический корабль с американским гербом и надписью «U.S.A.F. – GEMINI X5» до сих пор стоит у меня на полке. А еще я помню, как отец разбудил нас, детей, ночью, когда происходила высадка на Луну – не пропускать же это «всемирно-историческое» событие. И мы, сонные, стали смотреть его по черно-белому телевизору. Когда «Аполлон» наконец прилунился и Нил Армстронг сделал первые шаги, мой отец выдернул штекер из розетки и сказал: «Ну вот что, ребята. Похоже, американцы таки высадились на Луну, но я вам должен сказать одну важную вещь: первый человек в космосе был советско-русский – и звали его Юрий Гагарин». И вот этот урок я запомнил на всю жизнь”.

тарианские выводы, Рид показывает, что простой карандаш только кажется простым, а на самом деле достоин восхищения и благоговения; он скрывает в себе важную тайну и, если проследить его генеалогию, может преподать нам серьезный урок.

“Простой, говорите? Но только вот ни одна душа на всем белом свете не знает, как меня делают. Фантастика, вам не кажется? Особенно когда понимаешь, что в мире ежегодно выпускают несколько миллиардов нашего брата. Возьмите меня в руки, рассмотрите хорошенько. Что вы видите? Ничего особенного: немного дерева, лак, маркировка, графитовый стержень, чуть-чуть металла и ластик”. Далее Рид детально отслеживает процесс производства простого карандаша. Он объясняет, что прежде всего нужно спилить дерево и доставить его на фабрику – а для этого сначала требуется сделать пилу и грузовики.

“Подумайте, сколько людей, представляющих бесчисленное множество разных профессий, задействовано в этом процессе! Представьте себе, как добывали руду, как выплавляли сталь и превращали ее в пилы, топоры, моторы... представьте себе поселения лесорубов, их спальни и... столовые, а еще – готовку и то, откуда взялись продукты...” И ведь добыча дерева – только начало процесса, дальше будут лесопильный завод, сушильные печи, краска, лак, графит, глина, связующие вещества... “В моем создании участвовали миллионы людей, и мало кто из них о чем-либо подозревал”. Каждый,

от цейлонского шахтера, добывшего графит для производства грифеля, до президента карандашной фабрики, вложил в производство простого карандаша крошечную толику своего знания, использовал свое ноу-хау.

Таким образом, чтобы создать обыкновенный простой карандаш, нужно, чтобы объединились в одно целое созидательные импульсы миллионов людей, чтобы “миллионы ноу-хау” смогли взаимодействовать между собой.

Мы привыкли к “простому советскому парню” Гагарину и воспринимаем его примерно так же, как простой карандаш – нечто банальное, само собой разумеющееся, оказавшееся нашим, в общем, случайно, по счастливому стечению обстоятельств.

Мы бы хотели показать в своей книге, что это заблуждение.

Гагарин – “такой простой на вид” – был невероятно сложным продуктом кооперации миллионов волей и миллионов знаний, которые таинственным образом вступили в творческое и производственное взаимодействие; его биография – это миллионы биографий, сложившихся в одно целое; узнав об обстоятельствах его жизни, мы сможем многое понять о свойствах и амбициях, мечтах и надеждах целого народа, который, в силу каких-то причин, на протяжении некоторого времени вел себя в экономическом смысле иррационально, очевидно, в ущерб своим имущественным интересам; кото-

рый стремился не к адам-смитовскому “богатству”, благосостоянию, а к тому, чтобы выполнить некую более значительную миссию – сыграть ключевую роль в мировой истории и решить задачу преодоления смерти [9]; ради этого они, миллионы волею, объединили свои усилия – и добились своего. произвели этот “простой карандаш”.

Гагарина.

Он “наш” – не только в смысле “один из нас”, “свой” и “такой же, как мы”.

Он “принадлежит нам” – и сам факт коллективного владения этим простым карандашом накладывает отпечаток на самоидентификацию хозяев и их социальные практики.

Из случайно оказавшихся рядом “соседей по участку” они превращаются в “воображаемое сообщество” людей, которые совместно распоряжаются процентами с доставшегося им символического капитала – и доверяют друг другу воспитывать детей так, чтобы прежде чем повзрослеть и стать “нормальными”, те обязательно успели услышать рассказ про простой карандаш.

Простой карандаш, которым были размечены контуры рисунка будущего – яркого, переливающегося всеми цветами радуги.

Простой карандаш, которым русские навсегда вписали себя в историю человечества – и черкнули себе на добрую долгую заветное словцо, по которому свои узнают своих.

Простой карандаш, который слишком быстро выскользнул из рук и улетел куда-то; безвозвратно.

И ничего в истории этого карандаша не было случайным.

Starring / В главных ролях

Если бы биографы покупали себе героев на аукционах, как великие произведения искусства, то лот “Гагарин” выставился бы в самой высшей ценовой категории – как Леонардо да Винчи, Ван Гог или Фрэнсис Бэкон. В жизни Гагарина есть все, чтобы растрогать даже самого толстокожего и переборчивого биографа: приключения, странные знакомства, феноменальный карьерный взлет, неразрешенная загадка; соответствие архетипическим фольклорным сюжетам – плюс то, что у Шукшина называлось “некий такой забег в ширину”. Источниковая база кажется неисчерпаемой. Гагарин позиционировался как идеальный гражданин СССР – поэтому неудивительно, что советская власть всячески стимулировала сослуживцев, учителей, друзей и родственников Гагарина сочинять и публиковать мемуары. В одной только гагаринской семье оказалось четверо писателей: сам Юрий Алексеевич, издавший автобиографию – и международный бестселлер – “Дорога в космос”, его жена, мать и брат. Словно всего этого недостаточно, на протяжении десятилетий центральная и местная пресса СССР и затем России рыскала в поисках любого мало-мальски неизвестного эпизода из жизни первого космонавта. Тем страннее, что итоговой, закрывающей тему книги после крушения СССР так и не появилось; никто так и не “соединил точки”, не систематизиро-

вал набравшиеся за эти годы информационные накопления – и это при том, что, судя по соцопросам, Гагарин является самой привлекательной личностью если не за всю историю России, то уж точно за XX век.

Удивительно даже не то, какой колоссальной славы сподобился сам Гагарин – в конце концов, первый человек в космосе, почему нет. Удивительно, сколько людей – у которых, не будь Гагарина, никогда не было бы шанса оказаться интересными для СМИ, медийного, так сказать, пролетариата – получили свои 15 минут славы. Чтобы гарантированно попасть в газету, вовсе не обязательно иметь в активе родство или дружбу с Гагариным. Полученный с бухты-барахты автограф, история о том, как вы увидели его выступающим с трибуны, случайная встреча на улице – даже более полувека спустя такой мелочи достаточно, чтобы вы стали ньюсмейкером. Всё, что имеет к Гагариному отношение, по-прежнему важно для общества – и поэтому до сих пор ликвидно.

По существу, с Гагариным связан не только полет в космос, но еще и настоящая информационная революция – благодаря ему в СМИ выплеснулось гигантское количество народных голосов: мы видели, мы дотрагивались, мы имели отношение – и теперь свидетельствуем. В этом тоже следует искать корни обожествления Гагарина, почитания его в качестве святого: он дал массам не только осуществившуюся мечту, но и голос. Все эти воспоминания – своего рода коллективное евангелие.

Помимо неквалифицированных синоптиков⁸ Гагариным занимались многие профессиональные, абсолютно не халтурные, любившие своего “клиента” биографы – Лидия Обухова, Ярослав Голованов, Татьяна Копылова, Владислав Кац, Олег Куденко, Николай Варваров; и было бы неуважением к их труду, к их полевым исследованиям, сделать вид, что их не существовало, или все время пересказывать их “близко к тексту” – при том, что, по большей части, это тексты, не нуждающиеся в редакции. Да, очень многие из этих биографий, в силу обстоятельств эпохи, были подогнаны под известный идеологический шаблон и агиографический канон, да, они во многом состоят из мемуаров школьных учительниц, которые в ответ на просьбу вспомнить что-нибудь пикантное, краснея от собственной смелости, припоминали, что на уроках Юра пускал самолетики, а иногда – слишком громко играл на трубе; тем не менее если состыковать разнотипные, вступающие между собой в диалог свидетельства, то событийная матрица все равно прояснится.

В нашей книге много цитат “из народа” – голосов поварих, бильярдистов, офицерских жен, всех тех, кто охотно идет на контакт и искренне пытается припомнить всё что можно; проблема – и обратная сторона медали – состоит в том, что главные действующие лица, в общем, так и не заговорили. Молчала до самой своей кончины в марте 2020-го вдо-

---

⁸ Здесь в смысле – очевидцев (синоптиками называют первых трех евангелистов – Марка, Матфея, Луку – кто воочию видел Христа). – *Прим. ред.*

ва, Валентина Ивановна Гагарина, – и в советские времена по мере возможности избегавшая медийности, а затем, в начале перестройки, окончательно захлопнувшаяся, как моллюск в раковине, – по-видимому, крайне недовольная тем, как ее показали в фильме “Гагарин, я вас любила”. Показали плохо, некорректно; похоже, создатели фильма втерлись к ней в доверие, а затем, что называется, “кинули втемную”; мужу бы это не понравилось. Кстати, в фильме видно, что в гагаринской квартире живет попугай – на вид вполне себе говорящий – по имени Лора. Возможно, он и есть идеальный свидетель, который мог бы рассказать о своем хозяине всю правду. В любом случае проинтервьюировать Лору было проще, чем вдову Гагарина.

И ладно бы только вдова. Сразу стало ясно, что те (не очень многие уже), кто имел отношение к космосу и знал Гагарина лично, не горят желанием давать материал биографу – и это при том, что автор этой книги, несомненно, находился в условиях почти исключительных – мог говорить не просто “я пишу книгу о Гагарине”, но “я пишу книгу для издательства «Молодая гвардия»” – издательства, которое комплектовало будущему космонавту библиотечку, еще когда он отбывал срок в сурдокамере, в 1960-м, и с которым он сотрудничал впоследствии.

И дело даже не в том, что информаторы еще 50 с лишком лет назад поняли, что знать, думать – да хотя бы и рассказывать под рюмочку – про космическую программу СССР

и Гагарина можно всё что угодно, но когда включается диктофон, следует оперировать четко ограниченным набором мнений и эпизодов; тем мемуаристам, которые вздумают отступить от официальной версии, грозит ostracism, отлучение от корпорации.

Другая проблема состоит в том, что количество неумерших людей, сколько-нибудь плотно общавшихся с Гагариным, довольно невелико, и если они в принципе готовы были беседовать с прессой, то они уже рассказали то, что можно, раз по пятьсот. Рассказано было немного. Несмотря на внешнюю открытость, так и не заговорил, в общем-то, Алексей Архипович Леонов. Бессовестным образом так и не рассказал ничего внятного – и не оставил мемуаров – Герман Степанович Титов. Первый отряд космонавтов был закрытый клуб; даже если они и знали или знают что-то о Гагарине, то никому из них нет смысла говорить о национальной иконе что-либо, что выходит за пределы официального канона.

Единственной по-настоящему крупной утечкой, своего рода околосмическим *WikiLeaks*, был “Скрытый космос” – опубликованные в 1990-е дневники начальника космонавтов генерала Николая Каманина. Но тому нечего было терять, да и утечка была, в сущности, дозированной – подчеркивающей то значение воспитательной работы, которую приходилось проводить ему, инструктору отряда. Так или иначе, это главный источник сведений о последней трети жизни Гагарина; тогда как тем, кто захочет понять, что такое советский

космос, его идею и то, как она реализовывалась, мы советуем прочесть книгу Я. Голованова “Королев. Факты и мифы”. Эти два источника – аналоги Юпитера и Сатурна в Солнечной системе; по своей массе они гораздо значительнее массы всех прочих планет; мы цитируем их чаще прочих.

Чтобы свести “кражу голосов” к минимуму и избавить эту книгу от почему-то не запрещенных для биографов шарланских реконструкций вроде “ему показалось”, “улыбнулся про себя” и, по возможности, от лишних, заведомо пустых ремарок типа “он вспоминал, как”, мы решили сфокусироваться прежде всего на свидетельских показаниях. Жизнь, однако, есть жизнь, до правды, бывает, приходится доискиваться, одни свидетели более надежны, другие менее; поэтому в нескольких главах этой книги мы намеренно сводили “голоса” таким образом, чтобы они иногда вступали в конфликт друг с другом, “спорили” – и монтажный коллаж превращался в некое подобие полифонического “радиоспектакля”. Пусть читатель слушает, слышит – и сам догадывается, кто врёт, а кто нет. А потом – даже вранье оказывается не просто нерелевантной информацией, а тоже свидетельством – о сознании и тембре голоса людей соответствующей эпохи. Ненадежные рассказчики – головная боль для историка; у биографа в этом смысле есть шанс “уронить противника”, сделать из проблемы – преимущество.

Когда нам кажется, что читателю имеет смысл знать, от-

куда именно взят фрагмент, — мы, наряду с цифровым кодом (цифра в скобках), отсылающим к “Индексу источников” в конце книги, оставляем и имя автора и/или название источника; в случае, когда личность говорящего очевидна по самому характеру цитаты или когда точная идентификация голоса в данный момент необязательна, мы оставляем только цифровой код, который читатель может легко расшифровать, открыв “Индекс источников”.

Глава 1. Клуш

Фраза “Гагарин родом из Клушина” обычно подразумевает намерение говорящего подчеркнуть эффектный контраст – человек, которому суждено было покорить космос, родился в невероятной дыре; преподаватель Гагарина в Академии Жуковского С. Белоцерковский так и пишет: “в глухой деревне Клушино” [10]. Меж тем из того факта, что профессор впервые узнал о Клушине из газет в 1961 году, не следует, что если бы не Гагарин, то никто никогда о существовании этого медвежьего угла и не услышал. Какой уж там медвежий угол.

Именно там, ровно в том месте, откуда родом Гагарин, за триста с лишним лет до его появления на свет произошло событие⁹, которое фактически привело в какой-то момент к ликвидации российской государственности: здесь была разгромлена огромная русская армия под командованием Дмитрия Шуйского – и, что хуже, разгромлена находившийся в абсолютном меньшинстве отрядом поляков. “Клушинскую битву 24 июня 1610 года до сих пор в польских учебниках истории считают одним из самых великих сражений. Ее трофеей – «хоругвь самого Шуйского, весьма отличную, штофную с золотом» и сегодня показывают школьни-

---

⁹ Впервые внимание автора привлек к нему Л. А. Юзефович.

кам в национальном Краковском музее князей Чарторыжских” [9]. Да что там хоругвь: в июне 2010 года Национальный банк Польши выпустил три монеты серии “Великие битвы”: две были посвящены Грюнвальдской битве и одна – деревне Клушино. “В русских анналах эта забытая битва потерялась или была вытеснена другими поражениями и потрясениями, которые произойдут следом. Но истоки последовавшего междоусобицы, конечно, лежали у этого можайского селения” [9].

Собственно, именно вследствие этого разгромного поражения на своем поле перестала существовать русская армия, был низложен царь Василий Шуйский – и царем стал поляк; западная часть России в целом и Москва в частности были оккупированы польскими войсками. То, что Гагарин – клушинский, уже само по себе курьез: примерно то же самое, как если бы какой-нибудь великий татарин родился на Куликовом поле или француз – в Ватерлоо.

Интересно, спрашивал ли его кто-нибудь о Клушине – “то самое, да?”, – когда он приезжал с визитом в Польшу? Единственное, что мы знаем, из английских, правда, газет, – это что Польша, несмотря на свой статус сателлита СССР, была одной из тех стран, где Гагарина принимали весьма прохладно.

В плане географии Гагарину досталась сложная территория происхождения – из тех, что совершенно точно детерми-

нируют судьбы оказавшихся ее заложниками жителей. Поляки, французы, немцы – все, кто имел счастье или неосторожность сунуться в Россию с Запада, неминуемо вынуждены были прокомпостировать путевой лист в Клушине.

Это была часто выжигаемая, опустошаемая территория, на которой отсутствовала традиция долгого наследования имущества; почти каждому поколению приходилось начинать практически с нуля – и, можно предположить, у жителей выработался коллективный психологический иммунитет против нашествий чужаков, сформировался особый тип сознания. Было бы шарлатанством пытаться вывести из этих догадок некий особый “психотип” Гагарина – однако наверняка связанные с этими серийными оккупациями стратегии выживания так или иначе откладывались в его “генах” – и рано или поздно реализовались в определенных практиках.

Несмотря на соблазн связать название малой родины космонавта с двуного-крылатым словом “клуша” (чайка/галка; курица-наседка и/или плохо одетая женщина; от звукоподражания – “клоктать”, “кудахтать”), гагариноведы с докторской степенью по части этимологии утверждают, что имя селу дал некогда проживавший там боярин Клуш. Из прочих сведений краеведческого характера Клушино было известно как “место суда и расправы над боярскими холопами”, а уже в бытность автора, более ста лет назад, то место было “любимо народом при сборищах”. “В горе, близ деревни Мясо-

едово, что в 3-х верстах от Клушина, были рудники и чека-нилась монета”, а на север от села... <...> проживал татар-ский сборщик дани, прозываемый в народе “ярыжкой” [14]. “Клушинский приход вообще бедный... <...> крестьяне жи-вут большей частью земледелием и бурлачеством, избытка земли и хлеба нет” [12].

Одним из факторов в пользу выбора космонавтом № 1 Га-гарина [33], а не Титова, было то, что Титов с Алтая, то есть с колонизированных земель, тогда как Гагарин – из-под Смо-ленска, с исконно русских, – то есть находящихся в сфере до-сягаемости Кремля в дожелезнодорожную эпоху. От Клуши-на до этого самого Кремля – 180 примерно километров стро-го на запад; по дороге нужно проехать исток Москвы-реки и реки со странными названиями Гжать и Мжуть; сам Гага-рин, по свидетельствам очевидцев, когда дорога позволяла, закидывал на своей “матре” стрелку спидометра за отметку 200 и покрывал это расстояние за два часа.

В “предгагаринскую” эпоху Клушино – не то чтобы кро-хотное, домов на, до войны, двести – сельцо, с XIX века волостной центр, со своей церковью и приходской школой. По общему мнению, расположено в живописном месте и производит приятное визуальное впечатление не в послед-нюю очередь благодаря ландшафтному разнообразию (бу-гор). Церковь, где крестили Юрия Алексеевича, не сохрани-лась. Оборудованный садом и огородом Дом-музей детских

лет Ю. А. Гагарина – даром что реконструкция (оригинал стоял “не на кирпичном фундаменте, а на самородных камнях” [30]), позволяет залетным туристам моментально погрузиться в атмосферу старины; дорога сюда занимает больше времени, чем непосредственно экскурсия: от Дома-музея школьных лет Ю. А. Гагарина в г. Гагарине до “Детских” – 23 километра на автомобиле или три с половиной часа пешком.

Для адептов секты “культурологического краеведения” заметим, что Гагарин родился недалеко от того места, где Пьеру Безухову в “Войне и мире” (в романе – у деревни Шамшево под Смоленском) приснился знаменитый сон про живой глобус из капель – сон, в котором, при желании, можно разглядеть, среди прочего, зашифрованное символическое описание судьбы Гагарина.

Наконец, помимо пространственных “странных сближений” есть и временные: кто-то очень внимательный подметил, что свой “доклад, посвященный проблемам ракетного полета человека в стратосферу, Королев написал в день рождения Гагарина, 9 марта 1934 года” [31].

Докопаться до ответа на вопрос, “кто такой Гагарин?”, было в апреле 1961 года делом чести для журналистов всего мира – и наиболее существенные прорывы на этом фронте были сделаны западными газетчиками.

Шведские ежедневные издания уверили своих читателей,

что русский космонавт является “по прямой нисходящей линии потомком варяга времен викингов Рюрика, который еще в 862 году прибыл на Ладогу и потомки которого положили в свое время начало царствованию княжеского рода в древнем русском государстве” [18]. “New York News” “выяснила”, что Гагарин – не просто “сын скромного русского плотника и продукт советской государственной образовательной системы”, но еще и внук русского князя, капитана царской кавалерии Михаила Гагарина, “который владел большими земельными наделами под Москвой и Смоленском”, а затем, в ноябре 1919 года, был расстрелян большевиками. Почему командование выбрало именно его? Как раз из-за голубой крови: то была форма остракизма, стигматизации и дискриминации: “если бы его постигла неудача, никто не стал бы по нему скучать”. Эксперт, поделившийся с публикой этими соображениями, был “проживающий на Манхэттене Алексис Щербатов, профессор истории в университете Фэрли Дикинсон, Тинек, Нью-Джерси”. “Компетентная организация, специализирующаяся на русской аристократии и генеалогии, проверила эту информацию у секретаря русской делегации в ООН, и секретарь подтвердил, что Щербатов прав”. Тот же Щербатов объяснил, что его тезка Алексис – “отец астронавта – вынужден был спасти свою жизнь бегством на Уральские горы. Там, в Оренберге (sic!), и родился Юрий Гагарин. В 1939 году, сказал Щербатов, отец Юрия исчез” – “в ходе очередной большевистской кампании” [13].

Другой не менее Щербатова осведомленный эксперт по генеалогии объяснил в “Дейли ньюс”, что отец Гагарина был племянник царя Николая II [23]. “Один из нью-йоркских радиокомментаторов иронически заметил, что в Советском Союзе тысячи Гагариных и, по-видимому, все они являются племянниками последнего русского царя” [23].

Наконец, как и следовало ожидать, объявились и непосредственно родственники русского космонавта: так, “63-летний Грегори Гагарин, отставной преподаватель верховой езды в университете штата Пенсильвания, некогда служивший в царской кавалерии, сказал, что, по его мнению, он дядя Юрия” [22].

В итоге самому Гагарину на первой же пресс-конференции пришлось отмежевываться от “неких князей Гагариных, пребывающих в эмиграции и претендующих на родство с нашей семьей. Вот уж поистине: куда конь с копытом, туда и рак с клешней [20]”. И лишь после этой отповеди – и после того, как западные собкоры советских газет принялись сладострастно пересказывать все эти конспирологические версии, подтверждающие заведомо ненадежную природу западной журналистики – и природное же скудоумие русской эмиграции, – пресса, наконец, осознала нелепость всего этого “княжеского” нарратива и сама принялась иронизировать над тем, что “в Советском Союзе тысячи Гагариных и, по-видимому, все они являются племянниками последнего русского царя [23]”.

Аутентичные князья Гагарины в какой-то момент также сочли за лучшее уйти с этой скользкой дорожки; на их сайте, в разделе “*F.A.Q.*”, есть вопрос относительно родственных связей с космонавтом, ответ на который – твердое “нет”. “Князья Гагарины владели в России многими земельными угодьями. У многих крепостных в царской России не было фамилий, и у них было принято брать себе ту же фамилию, что у местного землевладельца. Мы считаем, что Юрий, великий русский космонавт и первый человек в космосе, – потомок этих крепостных” [26].

Это мнение выглядит разумным, однако предки Гагарина, во всяком случае по отцу, были все же государственными, казенными крестьянами [3].

А откуда тогда фамилия? Она лишь омонимична княжеской – поскольку имеет птичье происхождение, того же характера, что “Воробьев”, “Соколов”, “Уткин” и т. п. “От какого русского слова происходит фамилия «Гагарин»?” – спрашивали иностранцы – и уже в апреле 1961-го, получив исчерпывающий ответ, кивали: “О! Мистер Гагар замечательная птица!” [38]. Точку в этимологическом споре поставил Гагарин-старший, Алексей Иванович, сообщивший всем заинтересованным лицам, что его собственного отца односельчане звали Иван Гагара. “В словарях можно найти разные толкования этого слова: «морская птица», «смуглый, черномазый человек», «хохотун, зубоскал», «неуклю-

жий, длинный». В основе фамилии, скорее всего, лежит какое-либо прозвище или же нецерковное имя – Гагара” [3].

Семья Гагарина была крестьянской – что, в условиях России начала XX века, означает, что, статистически, в ней не было ровным счетом ничего экзотического; “летит, летит ракета, а в ней сидит Гагарин – простой советский парень” – именно так, как в детской считалочке.

“Простой” – да; что, однако ж, не значит, что семья его была совсем обычной.

Дело не в родовой географии (предки Гагарина по отцу происходили из Смоленской и Костромской губерний, по материнской – из Смоленской), не в типе крепостной зависимости (Матвеевы, родственники матери ЮА были помещичьими крепостными; их хозяевами в деревне Шахматово были графы Каменские) и не в этимологии фамилий.

Дело в матери, Анне Тимофеевне, – которая, похоже, была таким же уникальным человеком, как ее второй сын; и сумела передать ему кое-что необычное. Что-то, что, с одной стороны, дало ему иммунитет против обыденной, чересчур приземленной, грубой, сырой, естественной житейской крестьянской/мелкобуржуазной рациональности. И с другой – наделила его некой “благодатью” или, пожалуй, “харизмой”: импульсом, который преобразовался в формирование особого характера ее сына – и в пресловутую “гагаринскую улыбку”, то есть способность излучать ощущаемые людьми

почти физически доброжелательность, счастье и надежду.

Чтобы высказанные выше утверждения не выглядели голословными утверждениями, приведем два свидетельства мемуаристов. На вопрос коллеги-космонавта Георгия Шонина – “А какое у тебя самое приятное воспоминание о детстве?” – ЮА ответил ему: “А я любил, когда мама, укладывая меня спать, целовала мне спину между лопатками. В этот момент мне казалось, что я самый счастливый мальчишка на свете” [40]. И – замечание Ядкара Акбулатова, преподавателя Гагарина в Оренбургском летном, который заявил, что у его студента “не было такого сугубо мужского крутого характера. Были такие моменты, ведь учителю приходится не только хвалить своего ученика, но и требовать, иногда и поругать надо. Бывало, ругаешь Гагарина, он опустит голову и хлопает глазами, покраснеет весь. Похвалишь его, он тоже голову опустит, чуть не плачет стоит, то есть какой-то девичий характер был у него в натуре. Было в нем что-то такое милое” [28].

Пробуждение “особых способностей” Анны Тимофеевны было обусловлено и обстоятельствами биографического характера. В три года, в 1906 году, ее впервые вывезли из деревни Шахматово в Петербург – где, на Путиловском заводе, с 16 лет работал ее отец, “иногда наезжая в деревню” [3]. Сначала семья приезжала к нему только на зиму, но в 1912-м они переехали в Петербург насовсем. Анне Тимофеевне в тот момент было девять лет. Поскольку ее отец “был ква-

лифицированным рабочим и неплохо зарабатывал”, “семья снимала трехкомнатную квартиру в доме на Богомоловской улице, недалеко от <Путиловского> завода. Правда, две комнаты вынуждены были сдавать, чтобы иметь, как говорится, лишнюю копейку. Через два года пришла беда – Тимофей Матвеевич получил на производстве тяжелую травму [3]: ему на голову упала, в мастерской, пятифунтовая масленка”, и после травмы его “уволители без пособия” [16].

Старшие дети – Сергей и Мария – теперь работали и кормили семью. Анна Тимофеевна “до революции успела окончить начальное училище при Путиловском заводе. Ей дали рекомендацию продолжить учебу, но на обучение в гимназии средств не было” [3].

Революционный год изменил жизнь семьи. Мария – к ее дочери, своей двоюродной сестре, Гагарин часто ездил в гости в начале 1950-х – в 16 лет стала санитаркой в партизанском отряде и виделась с Лениным.

После переезда правительства в Москву Петроград перестал казаться особенно перспективным местом, семье не хватало денег на еду.

Вынужденная деурбанизация в сочетании с тифом к моменту свадьбы Анны Тимофеевны с Алексеем Ивановичем Гагариным (октябрь 1923-го) сильно проредила состав семьи.

Анна Тимофеевна к 19 годам в третий раз меняла прописку: Шахматово – Петроград – Шахматово – Клушино.

Важно то, что в деревню Анна Тимофеевна вернулась, обладая новым опытом, с новой культурой и уже с не вполне деревенскими представлениями о жизни. До 1961 года она всю жизнь занималась свиньями, огородом и стряпней, родила четверых детей, однако все, кто был знаком с ней, уверяют, что она не была неотесанной деревенщиной и, как только появлялась возможность, читала сама, читала детям книги на ночь и пыталась учиться. Соответственно, и сам Гагарин, при всем своем идеально пролетарском происхождении (мать – доярка, отец – плотник), провел детство вовсе не в культурном вакууме. Мать, видимо, сумела привить – во всяком случае Юрию – стремление к “расширению границ”, к необходимости выйти за пределы житейского опыта.

Если от матери – как считается – Гагарин усвоил представления о престижности образовательных практик, то от отца перенял “любовь к технике”. Отец Гагарина, опять же – общеизвестно, “был плотником”; однако этим далеко не исчерпывался диапазон его профессиональных навыков. В 19–20 лет, имея за плечами два класса начальной школы, он работает клушинским почтальоном, затем, в ревушие двадцатые, в Гжатской городской ведомственной и Пречистенской волостной милиции. В списке объектов, которые он охранял по краткосрочным трудовым договорам, значатся “спиртоводочный завод и военные склады” [2]. Биографы особо упо-

минают ограниченность физических возможностей Алексея Ивановича в качестве военной единицы: “Он хром с младенчества: у него по недогазу взрослых на печи сухожилие сопрело” [2]. Анна Тимофеевна называет причиной хромоты то, что одна нога у ее мужа была короче другой.

В отсутствие информации о том, как именно и под влиянием каких обстоятельств складывалась милицейская карьера гагаринского отца, летописцы всех мастей оживают, когда речь заходит о плотницких талантах Алексея Ивановича: в его руках все горит, и производство разного рода деревянных изделий – в диапазоне от избы-пятистенки до тривиальной табуретки – давалось ему играючи.

Бедность и педагогические таланты часто идут рука об руку – так что неудивительно, что “Юрий от отца научился по запаху и по тактильным ощущениям вслепую различать породы дерева” [15].

Неожиданная связь между клушинскими Гагариными и Большой Историей обнаружилась позже – когда выяснилось, что отец, Алексей Иванович, был одержим исторической фигурой Петра Первого – и перечитал все найденные на эту тему книги из сельской библиотеки. “А читал он, – припоминает старший сын Валентин, – медленно, стараясь в каждое слово вникнуть наверняка, не раз и не два проходил по интересным для него местам, и эта «работа» – а во имя ее была пожертвована не одна зима— для отца была своеобраз-

разным подвигом. В той же степени, в какой прельщала отца фигура Петра Великого, в той же степени была противна ему императрица Екатерина. «Катька-немка» – презрительно именовал он ее. И, знаю, в кругу товарищей не стеснялся рассказать о ней скабрёзный анекдот...» [1].

Старшего сына Анна Тимофеевна родила в 1925 году. Через пару лет у Валентина появилась сестра Зоя, затем – в ночь с 8 на 9 марта 1934-го, в Гжатском роддоме – средний брат Юрий и еще через два года – младший брат Борис.

По мемуарам Валентина Гагарина (в чьих интонациях и ритмических рисунках виден заядлый читатель Библии: “И отец мой тогда пошел молотить, и молотил всегда, когда был ветер, и одновременно он работал в колхозе” [17]) иногда ясно, что его отец вступил в колхоз не сразу, а по принуждению, после визита председателя сельсовета: “Не хочешь быть раскулаченным – вступай, иначе могут сослать неизвестно куда”. После этих разговоров отец вступил, наконец, в колхоз: отдал лошадь со всем сельхозинвентарем, корову по имени Малявка – было очень жалко! Скотных дворов тогда общих не было, потому скот (коровы) по-прежнему приходил к своим хозяевам во двор, но все равно скот считался колхозным [17]. Колхоз назывался сначала “Ударник”, а затем – имени “Сушкина, военного комиссара, убитого в этих местах кулачем” [32]. Алексей Иванович работал там то мельником, то кладовщиком. Анна Тимофеевна – “и дояркой, и свиаркой, и телятницей, и в полеводстве” [32]. Валентин

фиксирует название ее должности: “завскотофермой” [17]. Свинарник/свиноферма была аккурат за домом Гагариных. Юрий – как и его братья и сестры – пас свиней и телят.

Наличие нескольких маленьких детей не являлось основанием для освобождения от работы в колхозе, поэтому Гагарины вынуждены были оставлять младенца Юрия под присмотром сначала няни (“старушка была настолько древняя, что засыпала на ходу” [37], и “однажды уронила трехмесячного Юру с колен, а в декабре, когда мать отняла его от груди, напоила ревающего младенца водичкой со льдом” [21]), а затем семилетней сестры, которая таскала перенесшего после старушечьего лечения воспаление легких брата “на кормление маме в колхоз”. Не без иронии Зоя Алексеевна сообщает, что ее брат “в детстве толстенный был, и почему-то мне удобнее было тащить его ногами кверху. Готовила его уже тогда к космосу” [37].

Мнения об экономическом статусе Гагариных до войны расходятся – одни мемуаристы приводят детали, свидетельствующие скорее о прозябании на грани бедности и нищеты, другой исследователь утверждает, что они “по всем статьям относились к людям зажиточным, жили в достатке” [7]. Валентин Алексеевич описывает имущество Гагариных в 1930-е еще подробнее: “Хозяйство у нас на тот момент [рождения Юрия, 1934 год] было такое: корова, теленок-двухгодка (нетель), но лошади своей уже не было. Водили кур, гусей, овец. К приходу немцев в село у нас было 12 овец с молод-

нячком и 28 гусей с молодняком. Были и свиньи. <...> Вскоре колхоз «Ударник» был слит с другим колхозом – «Вторая четверть»» [17].

Если исторический контекст можно реконструировать достаточно рельефно, то описания самого Гагарина – Гагарина-ребенка – встречаются редко. “У зеркала стоит долго, засмотрелся на себя. Мне с койки отлично видно его отражение: смешной большелобый мальчик со стриженной «под Котовского» головой – вчера отец руку приложил к отросшим за лето патлам” [1], – набрасывает портрет старший брат.

Что касается довоенных лет гагаринского детства, то сторонних свидетелей не обнаружилось, а сами Гагарины в своих книгах не сумели выстроить живую – как в гайдаровских повестях – картину детства Юрия. Соответствующая иконография тоже практически отсутствует; вообще, почему-то советская пропаганда не сочла нужным разыграть тему “маленького Гагарина” и позаботиться о составлении сборника нравоучительных историй о детстве космонавта с расчетом задать эталон поведения для юных граждан. Даже юрий-нагибинские лубочные “Рассказы о Гагарине” начинаются с 1941 года; семь лет – как отрезало; подобным образом советские биографы ампутировали последнюю семилетку гагаринской жизни – якобы все самое важное произошло с ним до 1962-го, а все, что дальше – не так уж и интересно.

Начиная с лета 1941-го, однако ж, кривая, отражающая количество свидетельств, начинает ползти вверх.

Клушино никогда не было тихой гаванью – и во Вторую мировую тоже своей судьбе не изменило.

О том, как именно Гагарины провели эти годы, можно судить уже хотя бы по тому, что Клушино находится примерно в центре страшной трапеции, образуемой Вязьмой, Ржевом, Волоколамском и Наро-Фоминском – местами, где в 1941–1942 годах, в “котлах” и “мясорубках”, было убито несколько миллионов человек.

Деревня расположена малость в стороне, не на самой трассе Минск – Москва, однако в широком смысле это была обочина большой дороги на Москву.

В конце января 1942 года в ходе контрнаступления Красная армия отбросила немцев от Москвы, но до Гжатска не дошла 20 километров; “прошло более года, прежде чем были пройдены эти тяжелые фронтовые версты” [29].

На протяжении почти полутора лет здесь был не очень глубокий тыл немцев, почти у линии фронта; удобное место для строительства концлагерей; всего их было в Гжатском районе восемь, и один из них – как раз в Клушине [6]. В ходе своих официальных визитов в Австрию и Германию в 1960-е Гагарин несколько раз бывал в концлагерях-мемориалах – но на самом деле он видел все это и раньше, “в полевых условиях”.

Удивительным образом, поведение Юрия Гагарина в пе-

риод немецко-фашистской оккупации запротоколировано сразу в двух относительно независимых источниках. Мемуары старшего брата, Валентина, более литературные, чем мемуары матери, Анны Тимофеевны; у него есть сильные, как из классических советских фильмов про зверства фашистов, сцены – например история про косу. Анна Тимофеевна окашивала края канавы домашнего огорода. Тут появился немецкий солдат с лошадьёю – и пустил ее пастись в гагаринской ржи. Мать попыталась сделать немцу замечание, мол, иди-ка ты, мил-человек, со своей лошадьёю куда-нибудь еще, однако тот отобрал у нее косу и полоснул ею женщину по ногам: “Руссиш швайн!” Восьмилетний Гагарин попытался было наброситься на немца, но тот пнул его ногой в живот и тоже хотел порезать. Очень драматичный эпизод; однако в книге самой Анны Тимофеевны этой сцены нет, и знающие люди в Гжатском музее утверждают, что ни о чем подобном она никогда не рассказывала, шрама на ногах у нее не было и вообще к исторической компетентности брата космонавта следует отнести с долей скепсиса¹⁰.

---

¹⁰ Воспоминания членов семьи Гагариных о войне вообще вызывают у скептиков много вопросов, что неудивительно. До 1956 года о пребывании на оккупированной территории – если только у вас не было документального подтверждения, что вы водрузили красный флаг на здание немецкой комендатуры и пустили под откос эшелон, набитый эсэсовцами, – лучше было помалкивать вовсе. Позже об оккупации можно было говорить без каких-либо опасений – но определенный канон всё же следовало соблюдать, и литоработчики, помогавшие Гагариным писать мемуары, прекрасно это осознали.

Характер отношений Гагариных с государством переменялся еще до прихода немцев. Валентина как комсомольца уже в первый день войны отправили развозить по окрестным деревням повестки о призыве в армию: “Когда въезжал в деревню, было тихо. А после раздачи повесток, когда покидал деревню – всюду стоял плач. Стон – страшно вспомнить!” [17]. Мобилизация касалась не только парней: всех остальных, вспоминает Валентин в неопубликованных фрагментах мемуаров, собрали “на строительство аэродрома за деревней Родоманово. Копала и молодежь, и старики, и женщины. Немцы сбрасывали с самолетов листовки, в которых призывали нас переходить на их сторону, обещали хорошую жизнь и призывали прекращать копать. Продукты и варевовозили нам из нашего колхоза. Кормили нас хорошо, всегда было мясо, так как резали скот, чтоб он не достался немцу, ведь он был уже под Смоленском. Аэродром достроить не успели; нас перевели рыть противотанковые рвы у деревни Пречистое” [17].

Другой относящийся к тому же лету 1941-го яркий эпизод в мемуарах Валентина Алексеевича – играющая в гагаринском военном нарративе структурную роль “дурного знамения” история о появлении в Клушине цыганского табора; видимо, беженцев. В какой-то момент “от табора отделилась группа: десятка полтора загорелых до черноты кудрявых мужчин и длинноколых женщин с детишками на руках. – К нам идут, – заметил Юра.

Цыгане, точно, подошли к нашему дому. Я испугался, что сейчас начнут попрошайничать или приставать: давай-де погадаем, и раздумывал, как бы побыстрее отделаться от них, навязчивых... Но ничего такого не случилось. Седобородый старик с лицом, иссеченным морщинами, подойдя к крыльцу, вежливо приподнял над головой соломенную шляпу и гортанно поприветствовал нас:

– Здравствуйте, молодые люди. Можно напиться из вашего колодца?

– Бадейка на цепи, – ответил я. – А воды не жалко.

Юра стремительно поднялся, сбегал в избу и вынес оттуда большую алюминиевую кружку. Протянул ее седобородому:

– Пейте на здоровье.

– Спасибо, молодой человек.

<...> Напившись и похвалив воду – студеной, вкусной! – цыгане пошли в село. Кружка осталась на срубе.

Тут как раз появился отец. Разгоряченный знойным солнцем и ходьбой, он примедлил шаг у колодезного сруба, зачерпнул воду из бадейки, поднес кружку к губам.

– Папа, – крикнул ему Юра, – из нее цыгане пили!

– Всяк человек – человек, – почти библейской мудростью отозвался отец. <...>

– Что-то нехорошо мне, – пожаловался. – Голова раскалывается, и знобит...

Зоя метнулась за градусником:

– Давай температуру измерим.

Отец вяло отмахнулся:

– Посижу, и пройдет... Перегрелся я на солнце. <...>

– Это тиф. В двадцать втором мы вот так всей семьей перехворали. Ступай к председателю, Валентин, проси лошадь. В Гжатск повезем отца” [1].

Среди прочего, Валентин Алексеевич пытается донести до читателей, что их с Юрием 39-летний отец не был мобилизован и остался на оккупированной территории еще и, помимо своей инвалидности, потому, что в момент отступления подхватил опасную инфекцию.

Всякий “нарратив взросления” предполагает наличие эпизода с “посвящением” в мир войны – инициация подростка: видимо, поэтому прочное место сначала в гагаринской автобиографии, а затем в юрий-нагибинских “Рассказах о Гагарине” заняла история о том, как в июле 1941-го рядом с Клушином аварийно приземлились не то два (советских) самолета, не то два летчика в одном – и семилетний Гагарин выполнил “первое в своей жизни боевое задание” [2]. Через несколько лет известная профессиональной вездливостью биограф Л. Обухова объяснила, что “вовсе не маленький Юрий встретил самолет первым на болотистом лугу. И не бегал он с запиской к председателю, как потом кто-то, видимо, рассказал писателю Нагибину. Рассказал неверно. Записки вообще никакой не было; летчикам понадобилось только ведро, чтоб перелить бензин. Затем они улетели. Тому есть множество свидетелей” [21].

Первого сентября 1941 года семилетний Гагарин пошел в первый класс клушинской школы – но учеба продлилась недолго.

Немцы появились в октябре – на мотоциклах с колясками и пулеметами, по словам Валентина Гагарина.

Сам факт проведения уроков немцев не беспокоил; более того, в какой-то момент они поняли, что, помимо собственно военной оккупации, им нужно обеспечить еще и культурную гегемонию – и поэтому сами, вместе с коллаборационистами, стали готовиться к 1 сентября 1942 года. “В июле 1942 года в Смоленске состоялись двухнедельные курсы для педагогов, которых оккупационные власти насчитали около 340. Детей же школьного возраста на всей захваченной территории оставалось более 12 тысяч, а на курсы из Смоленска и близлежащих районов прибыло свыше 200 педагогов. Немецкие власти не скрывали истинной цели мероприятия – сообщить учителям «принципиальные установки, учитывающие те особые условия, в каких придется вести преподавание в новой школе, создаваемой, по существу, сначала». Вести уроки предполагалось по старым советским учебникам, материал которых каждый учитель должен был «критически переработать». Помимо общеобразовательных предметов все школьники должны были проходить такие: «Новая Европа под руководством Германии» и «Новый порядок землепользования в освобожденных областях» [24].

Прежние, “советские” школьные занятия прекратились еще осенью 1941-го – с каждым днем все сложнее было найти помещение; немцы занимали здания под свои нужды.

Выгнали из собственного дома и Гагариных. Идти им было некуда, и они стали понемногу переоборудовать под землянку погреб на краю огорода [2]. В этой норе – далеко не хоббитской – размером четыре на четыре метра, прикрытой стожком сена для тепла и водоотвода, им придется провести много месяцев. “Спали на земле, подложив самодельные соломенные матрацы. Отапливали землянку печкой-буржуйкой, свет давала лучина” [25]. “В качестве стен использовались различные предметы: доски, тряпки, глина и т. д.” [42].

“Вот уж воистину дом так дом! Небом крыто, светом горюжено, в печке сосульки висят, – всплеснув руками, воскликнула Анна Тимофеевна” [32].

Анна Тимофеевна в мемуарах сетует на военную жизнь впроголодь: еда один раз в день – “жиденький суп с горстью проросшего овсяного или ржаного зерна да по маленькому ломтику черного сухого хлеба”. Младшие сыновья – “кожа да кости” – весной “выползали из землянки и часами бродили по южным склонам оврагов, рвали первую траву, а потом несли мне ее в кулачках и просили: – Мама, свари...” [19].

Валентин Алексеевич, однако ж, в неопубликованных воспоминаниях заявляет, что “особого голода в военные годы в селе не было: сперва были свои продукты; затем собрали урожай; в первую зиму немцы забрали у нас только овес и

ячмень для своих лошадей, а рожь и пшеницу раздали населению по количеству едоков. Второй оккупационный год посеяли, посадили и собрали урожай, но во вторую зиму немцы начали уже безобразничать: отбирать и резать коров, свиней... Но нам все-таки не было голодно, так как хватало конины. Ведь снарядами с самолетов убивало много лошадей, и мясом мы были обеспечены” [17]. Кроме того, когда оккупационная администрация выяснила, что отец, Алексей Иванович, – мельник-профессионал, за ним явились двое солдат с автоматами [1] и поставили его работать на мельницу. “Молол я и на своих односельчан, и на неприятелей” [2]. “В помощники ему, мотористом на движок, привели, тоже под конвоем, Виктора Каневского, того красноармейца из нашего села, что выходил из окружения с группой сибиряков. Товарищи его подались-таки из Клушина пробиваться к своим, а Виктору, слышно было, не то внезапная болезнь помешала, не то еще что. Застрял.

За их работой на мельнице немцы следили самым тщательным образом. Отец жаловался:

– Целый день фриц над душой висит. Туда не ходи, этого не делай, чтоб ему огнем сгореть...

Иногда он все же умудрялся принести в карманах горсть-другую муки. Для нас это был праздник – что-нибудь вкусное из этой муки мама наверняка изобретет!” [1].

“Немцы регулярно привозили на мельницу мешки с пшеницей, а увозили муку. Не отказывал Алексей Иванович и

своим, выручал, когда просили. Он сам признавался, говоря: «Молол я и на своих односельчан, и на неприятелей». Каким образом соседи с ним расплачивались – это, опять же, покрыто мраком. Можно предположить, что семья Гагариных пережила оккупацию чуточку легче, чем остальные их односельчане” [7].

Хлебное место не обеспечивало иммунитет от насилия оккупационных войск: как минимум однажды Алексей Иванович был подвергнут экзекуции. В “акте о злодеяниях, совершенных оккупационными властями в колхозе имени Сушкина” говорится, что “А. И. Гагарин отказался смолоть зерно вне очереди гражданке, направленной немецкой комендатурой, за что получил десять палочных ударов” [3] – с формулировкой “за злоупотребление служебным положением” [29]. Сам мельник намекал на то, что дефицитный бензин, который он лил в мельничный мотор, кончался быстрее для немцев, чем для своих. “Ну, раз взъелся на меня ихний фельдфебель, орет, слюной брызжет: «Ла-ла-ла-ла-ла-ла!» А я ему: «Чего ты лалакаешь? Тебе же русским языком сказано: никст бензин!» Он планшетку схватил, чего-то нацарапал на бумажке и мне сует. И опять: «Ла-ла-ла-ла-ла-ла!» – аж голова пухнет. Но одно слово я всё ж таки разобрал: комендатур. Ладно, говорю, понял, ауфидер ку-ку! И пошел, значит, в комендатуру...” [2]. Там Алексей Иванович познакомился с парой иностранцев: немцем Гуго – гарнизонным палачом [2] – и финном Бруно – телохранителем коменданта

и тоже палачом [1].

Экзекуция была не только физической, но и моральной: “– Велели они мне руками за стойку взяться. Схватился я покрепче за эту стойку и думаю: «Экая несамостоятельная нация: и вошь толком не умеет истребить, и человека высечь – на мне же полный ватный костюм». Тут Гуго чего-то сказал толмачу, а тот перевел: задери, мол, ватник. Закинул я ватник на голову, – ничего, меня и брюки защитят! А они обратно посовещались и велят мне ватные брюки спустить. Ладно, на мне кальсоны байковые, авось выдержу. Но и кальсоны тоже велели спустить. Нет, нация не такая уж бестолковая!.. «А совесть у вас есть? – говорю. – Я же вам в отцы гожусь». Куда там! Гуго как завел: «Ла-ла-ла-ла-ла-ла!» – хоть уши затыкай” [2].

Сыновья встречали отца и, как могли, утешали его [1]. В одной из версий официальных воспоминаний Валентина Алексеевича говорится о том, что его отец “был организатором и исполнителем диверсионной акции по уничтожению мельницы, которую неприятель использовал для переработки зерна” [29].

Впоследствии говорили, будто сталинская пропаганда преувеличивала ужасы оккупации, однако “немецкий” период был определенно очень, очень тяжелым в жизни Гагариных. Они прожили полтора года бок о бок с чужаками. От этого периода остались три-четыре находящихся в жесткой

ротации эпизода; все они подозрительно соответствуют формату серии “Пионеры-герои”. Наверняка за это время происходило и многое другое; как-то ведь немцы взаимодействовали с Гагариными не только на уровне “матка-курки-яйки”. Вряд ли все полтора года они каждый день провоцировали друг друга; менялась обстановка, менялись времена года, менялись слухи, менялся контингент; возможно, в какой-то момент у них сложились симбиотические отношения. Т. Д. Филатова рассказывает, что некоторое время в их доме квартировал немолодой, “сердобольный” фашист, который однажды пригласил в избу всех четверых детей, поставил их перед собой, обнял и сказал, что его отправляют к Москве и наверняка убьют там, а у него дома остались четверо точно таких же – и раздал всем по шоколадке.

Самой яркой – можно сказать “хрестоматийной” – в военной эпопее стала серия конфликтов Юрия с баварцем по имени Альберт и по прозвищу “Черт”; семейный кошмар Гагариных. Он был оператор размещенной в доме Гагариных мастерской по ремонту аппаратов связи и зарядке аккумуляторов, а еще – живодер и изверг, аналог фадеевского унтера Фенбонга в “Молодой гвардии”.

Никто не знает, проявлял ли Юрий, которого всегда тянуло к любой технике, интерес к немецким приборам садиста Альберта. А вот неприязнь была, видимо, взаимной: дети платили немцу дистанционными издевательствами и “пар-

тизанской войной” (что, однако ж, не уберегало стороны от близкого контакта – в гагаринской землянке-погребке вместе с бывшими хозяевами дома прятались от бомбежек и новые, “в том числе и Черт” [42]).

В мемуарах ЮА охотно дает краткий очерк своей вредительской деятельности как общего характера (“разбрасывали по дороге острые гвозди и битые бутылки, прокалывавшие шины немецких машин” [20]), так и отдельных “спецопераций” – особенно участвовавших после экзекуции отца на конюшне. “В подмосковных полях шла большая война, – говорит Анна Тимофеевна, – а у нашего Юры – своя, маленькая, хоть и небезопасная” [2]. Особо отмечается случай, когда ЮА “напхал Альберту тряпок в движок” [2] – или, по версии Алексея Иванова, в выхлопную трубу мотоцикла. Жертва быстро вычислила своего обидчика – и отказывалась давать ему разрешение ночевать даже и в землянке; тот сначала прятался в огороде, а затем ночевал у старушки-соседки. “Уже когда Юра приезжал взрослый, я его как-то спросила: «Что он тебе сделал, что ты так боялся?» – «А он, – говорит, – поддал мне кованым сапогом, я и летел шагов двадцать, пока об землю не шмякнулся»” [27]. Пришлось отцу и матери просить немца за сына.

Однажды, в момент поспокойнее, Альберт позвал своих малолетних оппонентов и предложил младшему Гагарину кусок сахара, но в тот момент, когда Борис прикоснулся к кубику, немец наступил ему на руку сапогом: больно, до кри-

ка. Юрий попытался было увещевать изверга, но затем “отошел назад, разбежался и головой что было мочи ударил немца в живот, ниже блестящей ременной пряжки. Тот ахнул, с маху шлепнулся на ступеньки, сел, оторопело, на крыльце” [1]. В более позднем варианте семейной легенды Юрий “заехал головой Альберту между ног... Солдат взвыл, согнувшись в три погибели. Эта история могла бы закончиться трагически, но Юре повезло. Через пару минут подкатил автомобиль, загруженный аккумуляторами. <...> Альберту пришлось заняться приемкой аппаратов” [25].

В другой раз Альберт – мы не знаем причины инцидента – сграбастал Бориса и, несмотря на протесты старших братьев, повесил его за шарф на сук не то яблони, не то ракиты, после чего принялся поглядывать “на подвешенного к суку, словно елочная игрушка, мальчонку, который сперва орал, потом хрипел, потом сипел, наливаясь свекольной кровью – захлестка постепенно затягивалась на горле, – и злое сердце Альберта утешалось...

Анна Тимофеевна ведать не ведала, какая стряслась беда, когда в землянку вбежал Юра:

– Мам, Борьку повесили!

Мать опрометью кинулась наружу.

Борька уже и сипеть перестал, снизу казалось, что в нем умерло дыхание. И пунцовое лицо с вытаращенными, немигающими глазами было неживым. Анна Тимофеевна не могла дотянуться до него, и от беспомощности, крупная, широ-

кой кости, хоть и обхудавшая, женщина стала жалко прыгать вокруг ракиты” [2]. Сам Альберт тем временем якобы при- тащил аппарат и принялся фотографировать “налившегося свекольной кровью – захлестка постепенно затягивалась на горле” [2] Бориса. В какой-то момент Anne Тимофеевне все же удалось оттолкнуть немца и пробиться к сыну. Она “рыв- ком раздернула узел на шарфе, и Бориска упал в снег. В зем- лянку его принесла она почти безжизненного. После этого с месяц, наверно, Борис не мог ходить – отлеживался и ноча- ми страшно кричал во сне” [1].

История про подвешенного немцем к дереву младшего брата Бориса (который, странным образом, 34 года спустя, решив уйти из жизни, тоже повесился) подтверждается все- ми Гагариными – письменно и устно.

Дальнейшая судьба Черта неизвестна; без каких-либо уси- лий можно представить себе, как 12 апреля 1961 года он узнает, что русские запустили в космос человека, который родился в деревне Клушино, – и начинает вспоминать, что во время войны простоял несколько месяцев как раз в этой деревне, где его изводил восьмилетний “никс хороший мал- шик” [27]; не исключено, Альбертова версия событий чем- то отличалась бы от версии его контрагентов, Гагариных.

О том, насколько невыносимой была жизнь в оккупации, можно судить по эпизоду, рассказанному Валентином свое- му знакомому: “Валентин присматривал за брошенным до- мом дяди Павла (тот находился в эвакуации). Но как раз эту

избу немцы выбрали для своего генерала. У него был ординарец, который заставлял Валентина работать целый день и запрещал отлучаться со двора. Даже в туалет надо было отпрашиваться. Однажды к генералу приехали гости, выпили, и какой-то эсэсовец стащил Валентина с печи и погнал во двор. Парню велели встать у забора и держать бутылки в разведенных в стороны руках. Немцы принялись упражняться в стрельбе, стараясь попасть в мишени. Парень чудом выжил. Наконец пьяные офицеры пошли пропустить еще по рюмочке. В это время Юра (он ходил возле дядиного дома в надежде повидать брата) помчался к родителям, чтобы рассказать, что во дворе стреляют. Мать и отец поспешили на выручку Валентину, упростили часового, и тот позвал переводчика, сопровождавшего эсэсовцев. Переводчик, видимо, был хорошим человеком – тайком вывел Валю со двора” [25].

С первых недель оккупации немцы использовали жителей Клушина как бесплатную рабочую силу – чаще зимой, расчищать дороги от снега.

Но в начале 1943 года, перед отступлением, тактика поменялась: нацисты стали вывозить молодых людей – на строительство укреплений и на сельхозработы – на запад, в Германию. К Гагариным пришли 18 февраля и забрали сначала семнадцатилетнего Валентина, а через пять дней – пятнадцатилетнюю Зою. Тамара Дмитриевна Филатова, дочь Зои Алексеевны, рассказывает, со слов матери, как Анна Тимо-

феевна на коленях стояла перед немцем, чтобы тот отпустил Зою, а та просила ее: “Мама, не унижайся”. “Мать вместе с другими женщинами долго бежала за колонной, заламывая руки, а их отгоняли винтовочными прикладами, натравливали на них псов” [7]. Страница самой Анны Тимофеевны, посвященная эпизоду похищения у нее дочери, – самая душераздирающая в ее воспоминаниях, еще раз подтверждающая, что эта книга – исключение, настоящие мемуары, а не пропаганда; отсылаем читателей к доступному оригиналу.

Что происходило с Валентином и Зоей в плену, родителям оставалось только догадываться.

В марте 1943-го немцы ушли из Клушина – в бессильной злобе заминировав дорогу; Алексей Иванович, впрочем, – жена квалифицирует его деятельность как “добровольное дежурство” – был начеку. Он заметил места с минами и оборудовал опасные участки специально оформленными женой предупреждающими табличками [8]. Что касается младшего поколения, то Валентин Алексеевич утверждал, что Юрий и Борис в момент отступления немцев “выставили на окно патефон (!) и крутили пластинку «Красная Армия всех сильней»” [11].

Боев в деревне не было – чего не скажешь о Гжатске: за три дня город превратился в руины.

И все же то был город – а город действовал на эту семью магнетически.

Никто не знает, насколько серьезной психической травмой стала для Гагарина оккупация. В целом Гагарину скорее повезло: его семья, редкий случай, сохранилась после войны в полном составе. Была ли вся дальнейшая деятельность Гагарина попыткой избавиться от связанного с детскими воспоминаниями невроза – или нет? Правда ли, что он решил стать летчиком, чтобы отомстить нацистам, – в тот момент, когда увидел подбитый советский самолет? Да, такую версию событий навязывала советская пропаганда – но не так и много у нас резонов отвергнуть ее с порога. Судите сами: вас вышвыривают из собственного дома на улицу, а в вашем доме поселяются люди, которые стряхивают с воротников вшей прямо на пол и заставляют вас варить себе картошку; затем они угоняют в плен вашу сестру и брата – и на протяжении двух лет вы не знаете о своих ближайших родственниках ровным счетом ничего, хотя догадываетесь, что происходит в концлагерях с пленными.

В любом случае без особых натяжек можно предположить, что когда в 1963 году подполковник Гагарин вместе с Терешковой приехал в ГДР проверить прочность свежестроенной Берлинской стены и научить немцев быть хорошими избирателями – он испытал известное удовлетворение: и тут тоже, как многое в биографии Гагарина, “случилось как в хорошем романе”; разумеется, “немцы” и “нацисты” – это не одно и то же, однако справедливость есть справедливость.

Помимо собственно травмогенного, у войны имелся и другой аспект. Театр жестокости и гигантский натюрморт в поучительном жанре *vanitas*¹¹, война стала для Гагарина-подростка еще и ценным опытом. Много чужих людей; много новых моделей поведения; много необычных гаджетов и просто незнакомых предметов, использовавшихся в меновой торговле; много контактов с мертвой материей (убитые люди и животные); много экстремальных, потенциально смертельно опасных ситуаций. Все это Гагарин переживал, впитывал, срисовывал, пропускал через себя; он учился контролировать себя в условиях постоянного стресса, приспосабливаться к тотально враждебной атмосфере, достигать компромисса в заведомо невыгодной для себя ситуации. Все это, позже, пригодится ему – и в космосе, и потом, в шестидесятые.

Что было бы с Гагариным, если бы история развивалась по “филиппиковскому” сценарию и немцы так и остались бы в Клушине окончательно? Скорее всего, вместо Люберец году в 1949-м он был бы отправлен куда-нибудь в Любек, по тому же маршруту, что его старшие брат и сестра, в арбайтслагерь, – где и выяснял бы, производит ли его открытая славянская улыбка магическое действие на хозяев или нет.

---

¹¹ Жанр живописи эпохи барокко, аллегорический натюрморт, композиционным центром которого традиционно является человеческий череп. Подобные картины, ранняя стадия развития натюрморта, предназначались для напоминания о быстротечности жизни, тщетности удовольствий и неизбежности смерти (Википедия). – *Прим. ред.*

На эту тему написан неплохой рассказ [34] в жанре “альтернативная история” – про то, как Гагарин работает на немецком заводе в давно оккупированной России (где, помимо всего прочего, еще и революции не было). Он неформальный лидер бастующего рабочего коллектива; его вызывает к себе мастер и предлагает договориться с ним лично, однако Гагарин отвергает все его посулы. По дороге домой он слышит по радио новость о том, что соперничающие между собой немцы и американцы только что запустили в космос ракеты с рейхсфлигеркосмонавтом и астронавтом соответственно; а ночью ему снится сон: он сам летит в ракете, и на ней выведены непонятные четыре буквы – “СССР”.

Глава 2. Аида

У инженеров, отвечающих за осуществление космической связи, есть выражение “уйти на глухие витки”, означающее, что находящийся в орбитальном полете корабль проводит сколько-то времени вне “радиовидимости”. “Глухие витки” гагаринской биографии – это два года после того момента, как многострадальную деревню Клушино освободили от немцев. Ни сам Гагарин в “Дороге в космос”, ни его мать, Анна Тимофеевна, – а кто еще мог бы рассказать об этом? – никак не акцентируются на том, что происходило в этот период. “В классе у нас висела старенькая карта Европы, и мы после уроков переставляли на ней красные флажки, отмечавшие победоносное шествие наших войск” [1], вот, в общем-то, и всё наше информационное богатство; патентованные биографы, фиксирующие перемещения самого Гагарина, также предпочитают побыстрее воткнуть флажок в Гжатск и сообщить, что осенью 1945 года семья клиента переехала в район-центр, а сам он пошел в третий класс базовой школы. Никаких клушинских мемуаристов-добровольцев также не объявилось.

Племянница Юрия Гагарина Тамара Дмитриевна Филатова со слов своей бабушки характеризует [2] эти два послеоккупационных года как крайне депрессивные – семья практически уполовинилась; несмотря на то, что в доме Гагариных

больше не было чужаков, настроение было гораздо хуже, чем при немцах. Главным персонажем этой трагедии становится почтальон, который в любой момент может принести похоронку на сына и дочь. Где на самом деле провели Валентин и его сестра Зоя – нет, не погибшие – эти два года? Куда их отвезли немцы? Тамара Дмитриевна явно не расположена обсуждать эту тему, однако сообщает, что ее мать и дядя – вести о которых пришли в Клушино лишь весной 1945-го – провели свои лагерные годы где-то на границе Польши и Германии; Зоя работала в каком-то “имении”; это были не концентрационные, а “рабочие” лагеря. Авторы биографии “Starman”, заставшие в конце 1990-х в живых саму Зою Алексеевну и успевшие поговорить с ней на эту щекотливую тему, приводят кое-какие подробности [3]. На “детском поезде” немцы привезли их в Гданьск – и уже оттуда отправили в трудовые лагеря. Зоя Алексеевна: “Мне приходилось стирать за сотнями немцев каждую неделю”. “Валентин и Зоя сбежали из лагерей и две недели блуждали по лесам, надеясь на то, что русские войска спасут их”. “Когда они действительно пришли, мы надеялись, что нас отправят домой – но они сказали, что мы должны остаться с Красной Армией в качестве добровольцев”. “Зою поставили присматривать за лошадьми в кавалерийской бригаде, и она все дальше углублялась в Германию”. “Валентин на фронте научился обращаться с противотанковым гранатометом и другим оружием”.

Тамара Дмитриевна упоминает, что Валентин после освобождения успел повоевать полтора месяца – и потом, как раз очень вовремя, пришел призывной возраст, попал в армию и, отслужив положенные три года, вернулся домой в 1948-м. Сам он сообщает в воспоминаниях, что сумел бежать из плена уже через три недели, на границе Смоленской области и Белоруссии. Судя по другим свидетельствам, его пленение продолжалось два года, до весны 1945 года, и к Красной армии он примкнул уже на территории Германии. Дело не в том, что мы пытаемся поймать гагаринского родственника на чем-то неблагоприятном (скорее над неувязками в разных версиях его мемуаров можно иронизировать – что и делали саркастически настроенные комментаторы); эти два года брата в плену впоследствии обернутся большой проблемой для Юрия – потому как анкетные данные такого рода были априори подозрительными. Именно поэтому ему придется в автобиографиях либо не упоминать о существовании старшего брата вовсе, либо не фокусироваться на этом этапе его карьеры.

Зоя после освобождения оказалась в Калининграде; некоторое время опасалась возвращаться домой после плена – небезосновательно, однако ей все же хотелось увидеть родных, и она рискнула. Косвенным образом все это подтверждается и другими источниками – Валентин Гагарин приводит в воспоминаниях полученное им в конце войны письмо: ««Еще сообщаем тебе, что сестре твоей Зое, как и тебе, вы-

пало счастье убежать от проклятого немца, и сестра тоже пошла в красные бойцы и служит в кавалерийской части по ветеринарному делу». Даже дыхание перехватило от радости. Ух, Зойка, сбежала-таки! Молодчина же ты...” [4].

Источник, о котором мы подробно расскажем далее, предполагает, что рано проявившиеся лидерские качества Юрия Гагарина, возможно, связаны с тем, что на протяжении двух-трех лет он, по сути, был старшим мужчиной в семье – когда Валентин был в плену, а отец жил скорее в Гжатске, чем в Клушине [5]. Дело в том, что после изгнания оккупантов Алексея Ивановича, хромого и страдающего язвой, все-таки призвали в армию, хотя бы и нестроевым – и он в 1943–1945 годах жил отдельно от семьи.

“...Назначенный военным комендантом Гжатска капитан А. В. Третьяк получил указание всячески содействовать местным органам власти в решении проблем, связанных с восстановлением города и нормальной жизни в нем. Начинали с расчистки руин, а дальнейшая работа продвигалась медленно из-за отсутствия квалифицированных каменщиков, плотников, электриков, слесарей. Необходимо было срочно восстановить здание госпиталя – его гитлеровцы взорвали, не успев даже эвакуировать оттуда своих раненых солдат. После выхода в свет Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» дела пошли быстрее. Постановление давало полномочия военной

администрации привлекать сельских жителей для работ на ответственных объектах. Мастер на все руки, плотник, каменщик и слесарь Алексей Иванович Гагарин вновь оказался востребован, на сей раз в городе Гжатске. Впервые за много лет он покинул семью и дом родной, чтобы употребить свое умение на решение важной государственной задачи.

В госпитале работ по плотницкой части оказалось выше крыши. Гагарин трудился усердно, чем заслужил к себе уважение со стороны начальства. По завершении работ на объекте бригаду перебросили на другую стройку. Возможно, Алексея Ивановича оставили при госпитале. <...> Он попал в военный госпиталь в Гжатск, да так и остался в нем служить нестроевым. И служил и лечился одновременно” [6].

Помимо работы в военном госпитале отец – есть и такие версии – “сторожил складские бункера. Они остались после воинских частей в лесу. Юра жил еще в Клушине с матерью, а отцу часто приносил провизию” [7].

“9 марта, в Юрин день рождения, был ему сделан самый желанный подарок: возобновились занятия в школе” [8]. Понятно, однако, что то были не вполне формализованные занятия – скорее, по-видимому, кружок крестьянских детей, сложившийся вокруг учительницы начальных классов Ксении Герасимовны Филипповой. Из немногих оставшихся мемуаров складывается картина в духе соцреалистических жанровых сценок – “Дети войны”. Деревня Клушино, единственная из двух уцелевших после боев изб. Крохотная, раз-

мером с номер в типовой парижской гостинице, комната; нетопленая – нет дров – русская печь; чуть не на головах друг у друга сидят маленькие дети, закутанные во что попало; изо рта учительницы идет пар; вместо тетрадей – обрывки газет, немецких листовок, обоев, бумага для упаковки бандеролей, букварей нет, и гагаринский класс вынужден учиться азам грамоты по оставленному солдатами в сельсовете “Боевому уставу пехоты”; когда учительница объявляет, что урок русского языка закончен и следующим будет арифметика, ученики достают из карманов стреляные автоматные гильзы; это их счетные палочки.

Первый класс занимался одновременно с третьим, второй – с четвертым; вся эта неразбериха и лишения, которые, теоретически, закаляют характеры и сплачивают коллективы, пагубно сказались на жизненном расписании Гагарина, потому что, отходив в эту избу несколько лет, в 1945-м он – одиннадцатилетний! – сможет записаться в Гжатске лишь в третий класс. “После уроков, – докладывает одноклассник Гагарина Е. Дербенков, – приходилось помогать матерям в колхозе. Юра часто пас телят, а я свиней. После немцев повсюду было полно боеприпасов. Ходили мы в Вельковский лес с мальчишками, разряжали потихоньку снаряды. Как? А очень просто: сядем верхом на снаряд, в руках зубило, молоток, бьем, потом отвинтим головку. Как-то на плесе решили взорвать... Насыпали полную фуражку пороха... Удивительно, как уцелели!”

“Жили голодно, трудно, подкармливали нас на солдатской кухне, пока стояли войска” [9]. Завуч клушинской школы утверждает, что Гагарин в те годы “был мальчик из бедной семьи... <...> ходил с санитарной зеленой сумкой по пустым полям и собирал прошлогодние картофелины, сгнившее вырезал, а что съедобно, приносил матери” [7].

“Голод. Крапиву, лебеду, щавель ели, прошлогоднюю картошку гнилую. «Тошнотики»”, – вспоминает одна из клушинских соседок Гагариных.

Анна Тимофеевна вместе с другими женщинами пахала на себе – в упряжке из шестерых; другой тягловой силы не было – а норма была; альтернатива была вскапывать поле лопатой – или на коровах. “Плачем и пашем” [19].

Даже прошлогодний картофель, однако, в какой-то момент кончается. И вот примерно в это время Гагарины принимают важное решение – спасительное для своих биографов, потому что надо быть извергом, чтобы продержат читателя хотя бы еще одну страницу на диете из куцых цитат. Алексею Ивановичу и Анне Тимофеевне приходит в голову мысль перебраться из малоперспективного Клушина в Гжатск, и трудно задним числом не аплодировать этому решению: ведь в городе по определению шире круг потенциальных свидетелей; так оно и оказалось.

“...Кончилась война, и моего отца оставили в Гжатске – отстраивать разрушенный оккупантами город. Он перевез туда из села наш старенький деревянный домишко и снова

его собрал” [1]. “В конце 1945 года Гагарины сменили место жительства. На Ленинградской улице в Гжатске они поставили дом, перевезенный из Клушина. Его построил своими руками глава семьи еще в середине 30-х годов” [17].

“Решили мы с ним дом в город перевезти... заметила: сам готовился загодя, осмотрительно, неспешно” – по “округлой”, почти ритмизованной, речи, напоминающей манеру народных сказительниц, внимательный читатель наверняка уже узнает голос Анны Тимофеевны в записи Т. Копыловой. “Видно, крепко спланировал, какую работу за которой выполнять. Юра с Бориской ему помогали по-взрослому. Землю копали, раствор месили, песок таскали, глину мяли, кирпичи подавали. Дом в Гжатске был таким же, как и в Клушине: в три небольшие комнатки, с вместительной кладовкой, с погребом, пристроенным скотным двором”.

Т. Д. Филатова меж тем указывает вот на что. Да, Гагарины переехали в Гжатск в конце 1945-го, но сам дом, по бревнам, они перевезли только в 1947-м, когда у Зои Гагариной появился муж, а до того жили в “мазанке” (которая, разумеется, не сохранилась). Более того, она утверждает, что в гжатскую школу Гагарин поступил вовсе не 1 сентября 1945 года, а лишь с начала 1946 года – что более-менее подтверждается удивительно непрезентабельным документом из гжатского музеехранилища. Это вырванный из школьной тетрадки листок без каких-либо следов работы архивистов; женским почерком на нем начертана фраза, по-

хожая на расписку, подтверждающую погашение долговых обязательств: “Я, Лунова Елена Федоровна, бывшая заведующая начальной базовой школой при Гжатском педагогическом училище, подтверждаю, что Юрий Алексеевич Гагарин поступил в 3 класс в начале ноября месяца 1945 года в вышеназванную школу”. Дата: 22 ноября 1985 года. Странно, что не 1 сентября; но узнать, с чем связана эта странная дата зачисления, не у кого. Так зачем они все-таки переехали? “Ну, потому что зарабатывать как-то надо было”, – просто отвечает на этот простой вопрос племянница первого космонавта, и на этом путешествие по поросшей колючками каменистой пустыне заканчивается; мы вступаем в утопающий в зелени оазис.

Мемуары Льва Николаевича Толкалина “Наш одноклассник Юрий Гагарин” [10] заслуживают отдельного предисловия. Они практически неизвестны широкой публике; в московских библиотеках книги нет; журнал “Приокские зори”, где напечатаны отрывки, тоже выставлен далеко не в каждой витрине. Вряд ли издательство, взявшееся опубликовать их, озолотится на Толкалине, но было бы полезно дать им ход. На сегодняшний день это самые живые из мемуаров, когда-либо написанных о Гагарине; остается лишь пожалеть, что очень быстро, в 1949 году, пути Гагарина и Толкалина разошлись; таких приметливых мемуаристов рядом с ним больше не окажется.

По сути, это коллекция историй, из которой складывается гагаринский амаркорд: живая, неказенная, сценичная, яркая, пахнувшая ароматами эпохи картина юности. Здесь есть история про то, как Гагарин с приятелями обнаруживают на станции “ничью” цистерну со спиртом и, набрав себе кто сколько может, для отцов, успевают при этом напробооваться и затем, “поддатые”, едут в соседнюю деревню за орехами.

Есть история про то, как Гагарин на спор – не шутки ради, а чтобы обеспечить своим друзьям неприкосновенность со стороны другой подростковой банды – прыгает с очень высокого моста. Как Гагарин демонстрирует чудеса акробатики и проходит, балансируя, по высоко расположенной перекладине, сорваться с которой означает верную смерть. История про то, как он докучает своими экзерсисами на трубе жителям Гжатска; как в школьном театре играет Балду в постановке по сказке Пушкина. Про то, как он с друзьями отправляется к бывшим немецким складам боеприпасов за взрывателями – и при взрыве огромной бомбы спасает зазевавшегося рассказчика от верной смерти. Про то, как мальчишки ищут клад – и в ходе раскопок обнаруживают совсем другие сокровища: склад еще дореволюционного водочного магазина – и тащат своим отцам дармовую “смирновскую”. История про то, как Гагарин с Толкалиным учатся фотографировать – и подглядывают за загорающей раздетой одноклассницей; как катаются на коньках на тросе, привязанном к грузовику; как экспериментируют с паяльной лампой, на-

деясь построить реактивный двигатель.

Есть – по сути, это вставная микроповесть, жемчужина толкалинской коллекции – невероятно динамичная история о том, как четырнадцатилетний Гагарин с компанией ровесников, также представителей гжатского подросткового истеблишмента, совершает рейд в Москву на выставку трофейного вооружения. Денег на билеты у юношей нет – и они едут в столицу зайцами, сначала в поездном туалете, затем на крыше вагона, где их пытаются ограбить двое “блатных”; эффектным жестом в самый трудный момент Гагарин достает из-за пазухи припасенный кухонный тесак, и бандиты ретируются несолоно хлебавши. В Москве юные джентльмены попадают в Политехнический музей, потом на выставку трофеев, затем – опять же благодаря ловкости Гагарина – они хватают в троллейбусе вора и сдают его в милицию.

“Юркина реакция была на высоте. Гагарин в один прием выполнил подсечку и свалил карманника. Приемом самбо стал заворачивать руки вора за спину, сидя у него на спине. Видно, старший брат-фронтовик Валентин научил Юрку драться. Стоявшие рядом мужики опомнились и помогли удержать карманника на полу. Вскоре «очухались» и другие пассажиры и стали действовать. Нашлась бельевая веревка, и руки вору завязали на спине. Подоспел водитель троллейбуса, а двое мужчин согласились препроводить вора до милиции.

– Сами справимся, – сказал Гагарин, – знаем, куда вести” [10].

Автор все время настаивает, что за Гагариным – как за каменной стеной, что он хороший друг, регулярно спасающий свою компанию от разных напастей; именно у него обнаруживается разводной гаечный ключ, с помощью которого можно безопасно отвинтить от снаряда взрыватель, чтобы затем выплавить тол и глушить им рыбу; именно он, капитан, во время игры в футбол “заводит” свою команду на выигрыш, проявляет роль лидера и “души коллектива”; и даже если это не он первым натывается на станции на цистерну со спиртом – то именно он, Гагарин, кричит: “Давайте посуду!”

“Было спокойней, когда с нами был Гагарин. Уравновешенный, рассудительный, он чаще принимал правильные решения” [10]. “Особенно нравился нам «Тимур и его команда». Любил эти постановки и Гагарин. В наших глазах Юра был именно тем Тимуром. Заводилой, честным и отважным товарищем. Мог постоять за себя и за друзей” [10]. “Неизвестно, чем бы все кончилось, но в это время мимо проходил Гагарин. Увидев, что одноклассников бьют, недолго думая, приемом самбо свалил Валета, а потом взялся за одного из его подельников. Юрка занимался боксом в школе, поэтому на противника сыпались поставленные хуки и прямые” [10]. Смелый, сильный, ловкий, умный, веселый, рассудительный, благородный, осведомленный; и даже наглый он в каком-то хорошем смысле; наверняка мы позабыли ка-

кое-то из его достоинств, но в любом случае, если прочесть мемуары внимательно, то легко убедиться, что Гагарин им обладает. По правде говоря, в какой-то момент начинает казаться, что Толкалин тоже “сочинил” своего Гагарина, просто вместо сахара использовал специи и пряности – или все же нет?

Собственно, чтобы разрешить это противоречие, автор этой книги и разыскал – в городе Туле – Л. Н. Толкалина. Нужны были не подробности о Гагарине образца 1947, допустим, года – которых в его книге и так хоть отбавляй, а ответ на вопрос: Гагарин правда был прирожденным лидером – или Толкалин приписал это ему задним числом, имея в виду тот удачный набор обстоятельств, который ему выпал в дальнейшем?

Лев Николаевич Толкалин – на его визитке написано (ей-богу) “Lion N. Tolkaline”, а в своей книге он иногда называет себя, в третьем лице, “Левка” или даже “Толкушка” – оказался плотным, с военной выправкой и осанкой мужчиной, глядя на которого, ясно, что раз обычные гагаринские одноклассники выглядят на девятом десятке так бодро, то Гагарин – один из самых здоровых людей в стране – выглядел бы в своем возрасте как молодой Ален Делон. Также Толкалин являет собой живое опровержение представлений о “неинтеллигентности” коммуникационного пространства юного Гагарина: Лев Николаевич из технарской интеллигентской среды, и Гагарину, сыну плотника и свиноводки,

двери туда тоже были открыты – и он этим входом часто пользовался. Сейчас Л. Н. Толкалин заведует в Тульском госуниверситете кафедрой радиоэлектроники; он изобретатель-профессионал, лауреат Госпремии, до Горбачева работал в оборонке, делал для космоса радиооборудование. У него в кабинете есть специальный красный уголок, посвященный Гагарину и космосу, – фотографии, вырезки из газет, плакаты, автограф космонавтки Савицкой; видно, что бывший одноклассник до сих пор занимает в его жизни важное место.

Самое удивительное в толкалинских мемуарах вот что. С одной стороны, эти новеллы о гжатском Томе Сойере – замечательная альтернатива приторной подростковой “гагаринане” вроде “Рассказов о Гагарине” Ю. Нагибина или “Любимца века” Л. Обуховой, да и мемуарам матери – которые пусть и не приторные, однако никакая мать не станет рассказывать о том, как ее сыновья впервые экспериментируют с употреблением крепкого алкоголя (“Кто еще пробовал? – Мне приходилось раза два, – припомнил Юра. – Старший брат Валентин как-то приносил с Пречистенского спиртзавода. Решил надо мной подшутить. Ну, я выпил вместо воды спирта немного, закашлялся. А брат гоготал” [10]). С другой – странным образом, текст Толкалина – где есть глава “Гагарин-хулиган” – не опровергает представления об “идеальном Гагарине-юноше” и вообще не противоречит канону, а, наоборот, скорее подкрепляет его – но как бы с другой сто-

роны радуги; то есть толкалинский Гагарин матерится, носит при себе нож (и пускает его в ход), очевидно, ведет добрачную половую жизнь – однако умудряется оставаться тем же самым Гагариным, который известен нам по “советским” источникам.

Толкалинское свидетельство (которое, правда, тоже записано сильно задним числом, поэтому когда читаешь, как перед важным поединком Гагарин снимает ботинки, подозреваешь, что снимает он их тут потому, что Толкалин знает, что перед тем как впервые усестся, по предложению Королева, в макет “Востока”, его друг тоже разулся), казалось бы, десакрализует юного Гагарина, но одновременно – категорически подтверждает наличие качеств, которые приписывали ему уже после канонизации. То есть он был с самого начала “альфа-самцом”. То есть он правда обладал ярко выраженными лидерскими качествами. То есть он правда мог вести себя как “пионер-герой” во время оккупации. То есть он часто проявлял способность к физическому – да еще и с применением холодного оружия – столкновению. Выражаясь вульгарно, главное ощущение от толкалинского текста вот какое: Гагарин правда был таким, как про него рассказывали, и даже еще круче.

Ни разу не упомянутый в гагаринской “Дороге в космос”, Толкалин осознает – и дает понять, – что не был ЛУЧШИМ другом Гагарина (лучшим был Валька Петров, он уже умер), однако знал его хорошо, два года учился с ним в параллель-

ных классах и еще два – в одном и много раз общался с ним один на один. Он трезво оценивает свою способность составить о Гагарине объективное мнение – и кажется рассказчиком, которому можно доверять; вообще, он то, что называется “абсолютно вменяемый”, и производит впечатление человека если и не остроумного, то скептического, способного иронизировать и над собой, и над собеседником. Он сознательно старается избегать речевых клише и приводить живые примеры.

Зачем он их написал, эти свои мемуары? Во всяком случае не для того, чтобы выполнить чей-то заказ или с намерением подновить иконный образ и “напутствовать молодежь”; более того, в оригинале, не в журнале, подзаголовок книги – очень неожиданный: “Смешные истории о Гагарине”. Словом, Толкалин явно не из тех, кто превратил воспоминания о знаменитом однокласснике в бизнес. Более того, он даже готов издать мемуары бесплатно. Почему бы тогда ему просто не выложить их в Интернет, чтобы все могли прочесть? Украдут и станут приписывать его оригинальные истории себе. Но ведь эти мемуары написаны от “я”, он там полноправный персонаж? Все равно, в Интернете всё крадут. Резонное замечание.

Лев Николаевич позиционирует себя как литератора-любителя – и, надо сказать, эта скромность настолько же достойная, насколько неуместная: его “истории” – это не просто обрывочные воспоминания, как у большинства около-

гагаринских мемуаристов, а вполне четко организованные, вписанные в рамочную конструкцию, выстроенные на контрасте двух эпох – сегодняшней и тогдашней – рассказы. “Рамка” состоит в том, что рассказчик как бы осуществляет ревизию мест, где провел детство (“и вновь я посетил”), и предается воспоминаниям. У него прекрасно получается писать сценами, менять ритм, то есть это мемуары замечательные не только по фактуре и по тому, как воспроизведен антураж эпохи, но и “по литературе”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.